

«LES COSAQUES DE KUBAN»

10, rue des Cordelières — PARIS XIIIe

ИСТОРИКО - ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

№ 1

Издание неперіодическое

1931 г.

ИЗДАТЕЛЬ: Общество Ревнителіей Кубани
РЕДАКТОРЪ: Коллегія Кубанскихъ Казаковъ

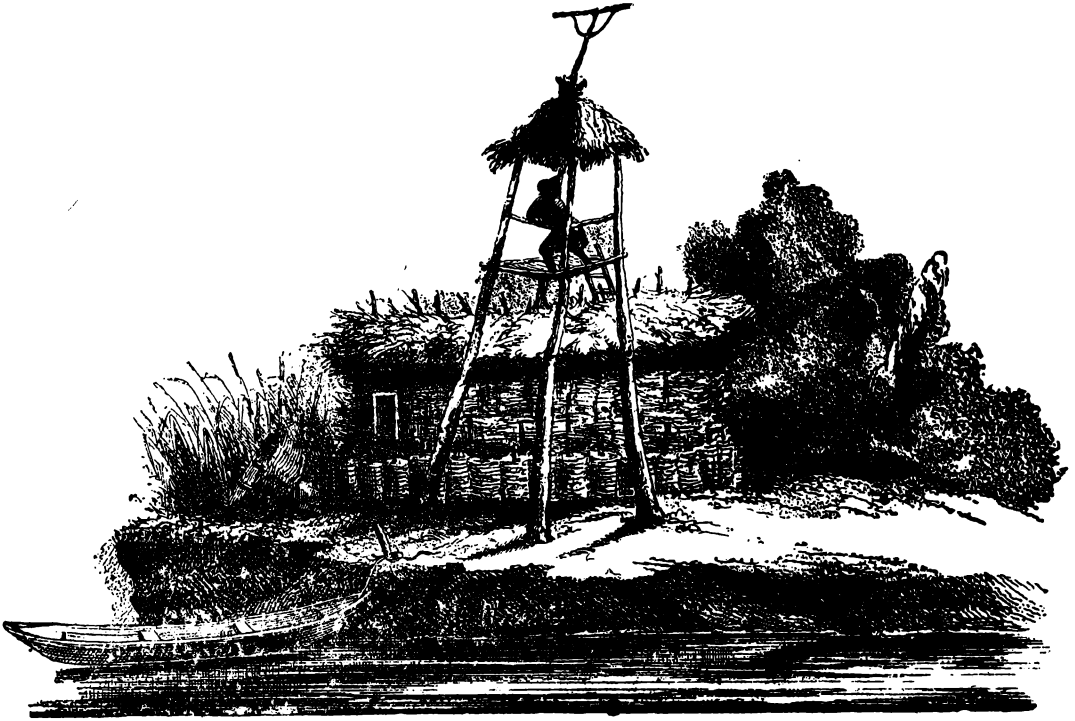

Хоперцы

Настоящій номеръ выпущенъ при участіи Союза Кубанскихъ
писателей и журналистовъ.

ЦѢНА НОМЕРА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ :

1. Во Франціи 3 фр. 50 с.
Выписывать отъ Правленія Общества.
2. На Балканахъ 5 динаръ
Выписывать черезъ Кубанскую Канцелярію у полковника Соломахина — Belgrad. Nemanina, 20
Изъ распроданныхъ на Балканахъ — 10% пойдетъ на постройку Кубанскаго дома въ Бѣлградѣ.
3. Въ Чехословакии 4 кроны
Выписывать черезъ полковника Федорова
Praha XIV. Nusle-Adoli. Jaromirova 456.
4. Для остальныхъ странъ — 20 центовъ — 5 фр.

ВОЙСКОВОЙ ПРАЗДНИКЪ

Гудитъ, разливается могучій гласъ полтысячпудоваго Войскового колокола; мощнымъ звукомъ наполняютъ снѣ широкія улицы стольнаго города Кубани и далеко-далеко несется по ней — нашей матери многоводной раздольной, вѣщая нижнимъ станицамъ и закубанскимъ ауламъ о великомъ праздникѣ казачьей Кубани.

Звонъ умолкъ, умолкли мѣдныя голоса всѣхъ Екатеринодарскихъ церквей и вновь заворили частымъ радостнымъ веселымъ перезвономъ, слѣдуя гласу колоколовъ Войскового собора.

Торжественные, благоговѣйные звуки блестящихъ трубъ Войскового хора трубачей, а за нимъ цѣлаго ряда иныхъ, наполнили молитвой «Коль славень нашъ Господь въ Сионѣ» ширкую Соборную площадь густо-густо усыянную сомкнутыми рядами войсковыхъ частей, войсковыхъ учебныхъ заведений и тысячъ разнаго народа, густой лавой заполнившей улицы и переулки.

Изъ раскрытыхъ дверей Войскового Собора, блистая золотомъ въ теплыхъ лучахъ ласковаго октябрьскаго солнца Кубани, спускалась на площадь длинная, длинная вереница святостей и хоругвей, сопровождаемая всѣмъ столичнымъ духовенствомъ въ богатыхъ золотыхъ ризахъ.

На одинъ мигъ по звучной рѣзкой командѣ

дрогнула вся масса войскъ и цѣлымъ лѣсомъ острыхъ штыковъ и блестящихъ лезвій шашекъ ощертилась широкая площадь и обнажились тысячи головъ.

А вслѣдъ за тѣмъ, сладкимъ трепетомъ дрогнули казачьи сердца, тысячи взоровъ жадно приковались къ соборнымъ дверямъ — цѣлый лѣсъ бунчуковъ, значковъ и знаменъ — свидѣтелей старой неугасающей славы дѣдовской — Запорожской, Черноморской, Азовской, Бугской, Линейской, Кубанской — спускался по широкимъ ступенькамъ соборнымъ и вытягивался длинной длинной змѣйкой на Красную улицу.

Блестѣли на солнцѣ золотомъ и серебромъ неслетныя булавы, наѣски и перначи стариннаго казачества, въ рукахъ попарно врьдъ идущихъ Атамановъ, со всей широкой Кубани въ этотъ день слѣтѣвшихъ въ стольный градъ.

Рѣяли и развивались въ воздухѣ Войсковыя знамена, золотомъ и малиновымъ бархатомъ переливались многочисленныя регалии — грамоты царей и царицъ, царскіе мундиры, а на чудесномъ бѣлоснѣжномъ арабѣ покачивались огромные серебряные котлы — литавры даръ царицы Екатерины Запорожскимъ — черноморцамъ.

Высокіе ряды могучихъ красавцевъ, гвардей-

цевъ - конвойцевъ шли за ними, а дальше самъ батько Атаманъ и высшіе чины Войска съ булавами, наѣсками, перначами — знаками своей власти — шли медленно и торжественно передъ шпалерами войскъ, школъ и народа на **Войсковой Кругъ** къ священной землѣ, Крѣпостной площади, туда, гдѣ среди запорожскихъ куреней, еще такъ недавно возвышался обширный деревянный соборъ, чудо казачьей техники, безъ единого гвоздика поставленный казаками.

Тамъ передъ нимъ отбывались Войсковыя Рады послѣднихъ запорожцевъ - черноморцевъ, туда тянулись ихъ старыя боевыя реликвіи и Войсковыя святости, и все славное Войско Кубанское, въ день своего великаго праздника Войскового помолиться Богу на священной землѣ и въ Войсковомъ Кругу обновить хоть тѣнь давно забытой Рады Казачьей.

А въ тотъ же день и часть по всей широкой Кубани, по всѣмъ станицамъ и далеко за ея предѣлами, тамъ, гдѣ стояли оторванные отъ родной Земли Кубанскіе полки и батальоны, молились Богу и гордо шли парадомъ подъ своими знаменами Ея сыны.

Далеко, далеко въ глубокую сѣдину вѣковъ уходитъ торжество празднованія великаго Войскового Праздника.

Еще великій князь Владиміръ святой Кіевскій не былъ христіанином и не расширилъ свою власть на азовско - черноморскіе берега, какъ тамъ сидѣла многочисленная Русь - казачья, войсковымъ обычаемъ вступившая въ 948 году на службу Византійскаго Императора противъ степныхъ наѣзниковъ, кочевниковъ и турокъ. Такъ разсказывала неписанная древняя молва-исторія, а за ней и донская о началѣ Войскъ казачьихъ.

Византію и византійскіе берега познала эта удабая, боевая Русь добытническая значительно раньше — «погибельный дѣлами и названіемъ народъ Русь» — опустошалъ берега малоазіатскіе, «на своихъ монокшлахъ по морю и землѣ плавала и Константинополь штурмовала», какъ говорилось въ посланіи Кіевского духовенства 1621 года о казачьихъ предкахъ донскихъ и запорожскихъ.

Въ тѣ сныя отдаленныя времена и случилось событіе, почти на тысячу лѣтъ потомъ сильно врѣзавшееся въ память казачьихъ предковъ и нашихъ праотцовъ. Сначала это было языческое отношеніе

къ небывалому чуду, устранившему нашихъ предковъ; потомъ, съ принятіемъ ими христіанства, перешедшее въ празднованіе Покрова 1-го октября.

Въ тѣ отдаленныя времена Русь азовско-черноморская неожиданно осадилась стѣны столицы Византійскаго государства. Защищать ее было некому; Императоръ съ войсками находился далеко въ походѣ противъ мусульманъ. Константинополь долженъ былъ пасть и сдѣлаться добычею Руси.

У населенія осталась одна надежда — на Бога. Послѣ усерднаго моленія патріархъ, взявъ Ризы Богоматери, пошелъ съ крестнымъ ходомъ по стѣнамъ Цариграда и съ молитвой погружилъ ихъ въ воды Золотого Рога, въ которомъ сосредоточилась флотилія осаждавшихъ.

Произошло чудо — внезапно поднялась буря, разнесла и разметала суда Руси и устранные добычники, снявъ осаду, удалились безслѣдно. Константинополь былъ спасенъ. Греческая церковь установила въ этотъ день праздникъ Покрова Пресвятой Богородицы, а Русь языческая надолго запечатлѣла у себя страхъ передъ необъяснимой силой Всевышняго.

Минувли столѣтія, въ то время у самихъ грековъ постепенно стирались слѣды празднованія чуда, въ особенности послѣ взятія Константинополя турками въ половинѣ 15-го ст., у потомковъ Руси азовско-черноморской, у казачества, праздникъ этотъ пріобрѣлъ одно изъ наиважнѣйшихъ значеній.

Богородица Дѣва стала покровительницей казачества. Свой Покровъ Она распространила нынѣ надъ казаками, содѣйствуя ихъ побѣдамъ; отсюда и праздникъ Покрова сталъ праздникомъ всего казачества вообще — от самого Запорожья черезъ Донъ, Яикъ, занявшаго степные просторы до бурнаго Терека и въ далекой Сибири.

Къ нему пріурочились и историческо - казачьи событія: въ день Покрова казаки, вышедшіе подъ гор. Казань въ 1552 году съ Дона, Волги, Яика, Терека, учинили «розмыслъ», взорвали стѣны Казанскія и взяли городъ штурмомъ; подъ Покровъ, остатки донцовъ и запорожцевъ, взявшіе неприступную турецкую крѣпость Азовъ, отбили въ 1641 году громадную турецкую армію, снявшую внезапно осаду и ушедшую отъ Азова, такъ какъ 800 лѣтъ передъ тѣмъ ушла Русь отъ Цариграда.

Атаманъ Кубанскаго Казачьяго
Войска Генералъ Науменко

На Запорожьи и Дону, мы знаемъ, что день Покрова праздновался особенно торжественно. Къ этому дню казачество стекалось отовсюду къ своему главному городу. Стекалось оно и для того, чтобы закончить прошедшій хозяйственный годъ и подготовиться на годъ новый.

Въ день Покрова въ Сѣчи Запорожской отбывалась Рада, на которой складывали счета передъ «товариствомъ» всѣ Войсковые чины; на Дону передъ Покровомъ, въ память Азовскаго сидѣнія, отбывались торжества на Монастырскомъ урочищѣ — мѣстѣ упокоенія сложившихъ свои головы за честь казацкую защитниковъ Азова, а на Покровъ Войсковой Кругъ снималъ счета съ Войскового начальства. И на Запорожьи, и на Дону отбывалась въ это время обильная «войсковая трапеза» для всѣхъ присутствующихъ.

Въ Сѣчи Запорожской праздникъ этотъ былъ еще тѣмъ торжественнѣе, что онъ былъ престольнымъ праздникомъ главной Запорожской — Сѣчевой Покровской церкви. Покровъ на Запорожьи чтился особенно и въ честь его было посвящено очень много казацкихъ церквей.

Въ Сѣчевой церкви Войсковой запрестольный образъ представлялъ Богоматерь, осѣняющую омофоромъ своимъ колѣнопреклоненное Войско Запорожское.

Образъ этотъ ушелъ въ Задунайскую Сѣчь, послѣ эмиграции казаковъ въ Турцію, въ связи съ разрушеніемъ Сѣчи и уничтоженіемъ Войска Запорожскаго Екатериной II, въ 1775 году; ушла туда же и традиція празднованія Покрова какъ Войскового Праздника; унесли ее туда не только Запорожскіе казаки, но и дон-волжскіе казаки-эмигранты 1680, 1708 г.г., образовавшіе на Кубани **Великое Войско Кубанское**, перешедшее потомъ въ Турцію.

Эти первые Кубанцы до послѣднихъ дней своего Войскового существованія праздновали Покровъ какъ Войсковой Праздникъ.

Эту же самую традицію перенесли на Кубань и послѣдующіе кубанцы — Войско вѣрныхъ казаковъ Кошу Запорожскаго, впоследствии Черноморское и казаки Линейныхъ Войскъ — выходцы и переселенцы на Сѣверный Кавказъ изъ Войскъ Донскаго, Волжскаго и иныхъ; казаки Гребенскіе и Терскіе хранили Войсковой Праздникъ Покрова съ незапамятныхъ временъ.

Долгое, очень долгое время день Покрова былъ общеказачьимъ Войсковымъ Праздникомъ и для всей Кубани. Многовѣковая, тысячелѣтняя, традиція эта была нарушена только въ 1830-хъ годахъ. Въ этомъ году для казачества было введено новое Положеніе; тогда же императоръ Николай I назначилъ Войсковымъ Атаманомъ всѣхъ казацкихъ Войскъ своего сына наслѣдника цесаревича Александра Николаевича и день его тезоименитства — день св. Александра Невскаго — 30-го августа былъ сдѣ-

ланъ Войсковымъ Праздникомъ казачьимъ; въ томъ числѣ и Кубани.

Всѣ торжества — церковныя и военныя, связанныя съ Войсковымъ Кругомъ — теперь уже блестящимъ парадомъ, съ выносомъ регалій и прочтеніемъ грамотъ были перенесены на этотъ день.

На Кубани онъ получилъ еще большую торжественность, когда въ Екатеринодарѣ былъ освященъ новый Войсковой Соборъ въ честь св. Александра Невскаго, взамѣнъ снесеннаго стараго собора перныхъ Черноморцевъ - Запорожцевъ. Не только въ самомъ Екатеринодарѣ — въ станицахъ войсковой праздникъ утратилъ свою задумчивость, тѣсно связанную съ праздникомъ Покрова; онъ сталъ больше официальнымъ праздникомъ тамъ, гдѣ одновременно не было храмового престольнаго праздника.

Внѣшняя сторона праздника продолжала же быть такою великолѣпною, какой она бывала и ранѣе.

Она еще болѣе стала великолѣпною, когда въ 1905 году произошло долгожданное событіе — родился наслѣдникъ цесаревичъ, къ которому, по старой уже традиціи, перешелъ титулъ Августѣйшаго Атамана всѣхъ казацкихъ Войскъ.

Должность эта, съ воцареніемъ императора Николая II, оставалась вакантною съ 1894 года — у царя не было сына, а у казаковъ Атамана — были только Наказные.

Незгоды японской компаніи, революціи, смута, все какъ будто были забыты на время и день именинъ наслѣдника Алексія, по старой же традиціи, снова сталъ днемъ войскового праздника, со всѣми его торжествами.

Такъ праздновалось все время до начала 1917 года, когда волна разнузданной революціи повергла все и вся; растоптала и смела многое и многое, что уже стало дорогимъ для цѣлыхъ поколѣній.

Не стало царя, не стало и царственного Атамана; но Войсковой Праздникъ въ день св. Алексія митрополита Кіевскаго и всея Русіи, родомъ волынскаго боярина — украинца, остался въ нашемъ Войскѣ.

Мѣнялись традиціи, мѣнялись устои подъ громъ кровавой борьбы съ поработителями казачества.

Снова ожила мысль возобновить общій древнеказачій праздникъ всѣхъ Войскъ — Покрова пресв. Богородицы; но мысль эта осталась неосуществленною, на эмиграцію мы вышли со старымъ Войсковымъ праздникомъ 5-го октября.

Этотъ дорогой осколокъ блестящаго празднованія Войскомъ на далекой безконечно дорогой Родинѣ былъ одинаково дорогимъ всѣмъ казакамъ — эмигрантамъ; монархистъ, республиканецъ, вольный казакъ, единонедѣлмствующій или соборноукраинствующій кубанецъ сходились вмѣстѣ за трапезой этого дня, въ дружеской казацкой бесѣдѣ вспоминая бывшее славнаго Войска.

Не той козакъ шо зборовъ, а той — шо вывернувся.

Одни праздновали въ немъ блескъ Россійской Имперіи и славнаго казачества въ немъ, другіе — укаинца - митрополита, третьи — просто казачью традицію, принесенную съ далекой Кубани, а иные, какъ самостійники, сближали этотъ день съ старо-казачьимъ праздникомъ Покрова.

Европа, скорѣе цѣлый свѣтъ, заставляютъ насъ уже не придерживатся точно дня 5/18 октября. Мы больше празднуемъ свою традицію и приближаемъ ее къ другому великому древнеказачьему празднику Покрова.

Но какъ бы то нибыло, день этотъ, день Войскового Праздника, есть день радости всѣхъ насъ. Въ этотъ день мы собираемся всѣ вмѣстѣ, откры-

ваемъ наши сердца радостью, живемъ мыслями о родныхъ, Войскѣ и Кубани.

Этотъ день — это наша вторая Пасха, на который мы идемъ съ золотыми сердцами золотого пасхальнаго слова:

«Воскресенія»

и на которомъ ни одному изъ Васъ, Доблестное Казачество, не будетъ поставлено виною, кто въ дѣяніяхъ своихъ ради

«Воскресенія Казачества» —

согрѣшилъ или заблудился, такъ какъ —

— Всѣ мы сыны Единой Матери - Кубани, всѣ мы дѣти Единой Семьи Казачьей!..

ПЛАСТУНЫ

Подъ пластунами въ наше время подразумѣваютъ казачью пѣхоту. Въ Великую войну и войну съ РСФСР были пластуны не только кубанскіе, но и донскіе, терскіе, были пластуны и у сибирскихъ казаковъ. Передъ войной только кубанская казачья пѣхота носила, да и то всего нѣсколько десятковъ лѣтъ, названіе пластуновъ.

Пластуны прославились по цѣлому свѣту; казачья пѣхота вообще славилась съ давнихъ давень. 500 лѣтъ тому назадъ, въ битвѣ войскъ литовско-польскихъ съ нѣмецкими крестоносцами, при Грюнвальдѣ, четыре казачьихъ полка рѣшили ее участь и положили предѣлъ движенію кровавыхъ тевтоновъ въ славянскія земли.

Отъ казаковъ и казачьей пѣхоты учились военному искусству и европейскіе воины..

Славный чешскій полоководецъ Янъ Жижка, служившій сначала въ Литвѣ, протекторатъ Великаго князя, котораго признавали и Днѣпровскіе казаки, перенялъ отъ казаковъ способъ пѣшаго боя изъ-за возовъ въ лагерь и съ возовъ при походѣ. Модернизировавъ казачьи возы, онъ эту тактику казачьей пѣхоты искусно примѣнялъ въ гуситскихъ войнахъ первой четверти 15-го столѣтія

Казачья пѣхота особенно славилась въ 16 — 17-омъ стол., въ войнахъ съ Польшей, Турціей и Крымомъ искусствомъ обороны въ укрѣпленномъ возами лагерѣ и боя воевого на походѣ — это была скифская тактика ихъ отдаленныхъ предковъ.

Въ 16 — 17 ст. казачья пѣхота наводила страхъ и трепетъ своимъ десантомъ на могущественную Турцію, передъ которой дрожалъ весь старый міръ. Взятіе Казани въ 1552 году, Азова въ 1637 и его славная оборона 1641 г. — все это дѣло казачьей пѣхоты.

Французскій военный писатель Бопланъ, близко знавшій казаковъ Запорожья, свидѣтельствовалъ въ половинѣ 17-го ст., что казачья пѣхота есть наилучшая въ мірѣ, а король польскій, Янъ Собѣскій, безъ нея не рѣшался развить осаду турокъ подъ Вѣной. Въ концѣ 17-го ст. казачья пѣхота подъ той же Вѣной рѣшила участь боя и положила конецъ продвиженію турокъ на Западъ.

Въ войнахъ 18-го ст. перевѣсъ въ казачествѣ пріобрѣтаетъ конница, но Запорожская пѣхота еще покрываетъ себя неуязвимой славой въ войнахъ съ турками и пріобрѣтаетъ остаткамъ Запорожцевъ въ Россійской имперіи право на существованіе **Войскомъ Черноморскимъ.**

Тамъ, въ Запорожьи, и родились «пластуны» — отборнѣйшіе казаки, несшіе пѣшую или спѣшенную службу въ боевые дни, а въ мирное время ведшіе такой образъ жизни, который выковывалъ изъ нихъ цвѣтъ казачества.

Вотъ что о нихъ говоритъ Атаманъ Кухаренко, самъ видѣвшій старыхъ Запорожцевъ, въ разсказѣ «Пластуны»:

«Старые казаки - сичевики было рассказываютъ такъ: что у Запорожцевъ на Днѣпрѣ пѣхота сидѣла

въ Сичи, а конные жили въ Великомъ Лугѣ, изъ-за хорошей пастбы. Какъ пѣхотѣ такъ и конникамъ свободно разрѣшалось въ мирное время заниматься — кому рыболовствомъ, кому «пластунствомъ»...

Пластуны стрѣляли дикихъ звѣрей, которыхъ тогда въ днѣпровскихъ плавняхъ было вдоволь. Пластунами, говорятъ, назывались потому, что были «непосѣдами», все шатались по плавнямъ и такъ какъ больше имъ приходилось мѣсить грязь, чѣмъ ходить по сухому, сирѣчь «пластать», то и прозвались «пластунами».

Группа г.г. офицеровъ 1-го Кубанскаго пластунскаго баталіона въ гор. Артевинѣ, въ 1891-омъ году.

Въ турецкой войнѣ 1789-91 г. «пластуны были и въ пѣхотѣ и въ конницѣ»... По переходѣ на Кубань, холостая сірома «охочая на звѣрей, разсыпалась по плавнямъ, и по запорожскому образцу — добычничала. При пластунахъ были охочіе хлопцы, при нихъ они и выросли, а научившись искусству и сами становились пластунами»... Кухаренко очень подробно описываетъ жизнь и приемы пластуновъ того времени, но «если написать всѣ пластунскіе порядки, то была бы цѣлая книжка», — пишетъ онъ.

Пластуны на Черноморьи отдѣльныхъ войсковыхъ частей не составляли, попрежнему они были и въ пѣшихъ и конныхъ частяхъ.

Въ официальной перепискѣ названіе «пластунъ» встрѣчается впервые въ 1824 г.. Узналъ о нихъ извѣстный генералъ, герой Кавказа Ермоловъ отъ

атамана Власова, какъ о такихъ «искусныхъ стрѣлкахъ, равныхъ которымъ нѣтъ въ мірѣ».

Колыбелью пластуновъ и тогда была пѣхота. Обративши вниманіе на ихъ стрѣлковыя качества, генералъ Власовъ распорядился, чтобы для дѣйствій противъ горцевъ были составлены особыя пластунскія команды изъ охотниковъ.

Въ 1832 году, при атаманѣ Заводовскомъ, были уже составлены «пластунскія команды» по три человека изъ пѣшихъ и конныхъ полковъ, знающихъ совершенно пластунское искусство, опытныхъ и храбрыхъ въ дѣлахъ съ непріателемъ, при офице-

рахъ и урядникахъ, для кордонной охраны. Надобность въ нихъ миновала въ 1833 году и они были распущены по полкамъ.

Позже ихъ не разъ употребляли для развѣдки и какъ стрѣлковъ. Въ мирное время на охотѣ, приказомъ Войску отъ 5 іюня 1845 года пластунамъ было запрещено «стрѣлять на хrustъ», т.е. на шумъ отъ подхода звѣря, такъ какъ часто бывали случаи, когда пластуны, при невѣроятной способности этихъ стрѣлковъ попадать въ предметъ невидимый глазомъ съ помощью одного привычнаго слуха, — убивали бродившихъ въ густыхъ плавняхъ товарищей.

Въ Кавказской войнѣ пластуны не разъ совершали выдающіяся дѣла, но на это смотрѣли какъ на дѣло обычное. Такими же они были и въ Сева-

стопольскую кампанію, гдѣ прославились особенно 2-й, 5-й и 8-й баталіоны, въ 1854-55 г.

Пластуны того времени были вполнѣ достойны своихъ запорожскихъ предковъ. Они одинаково удивляли какъ противника, такъ и русскихъ.

Вотъ какъ характеризуетъ пластуна того времени современникъ:

«Пластунъ — это обыкновенно дюжій, валкій на ходу казакъ, первообразно запорожскаго склада и закала: тяжелый на подъемъ и неутомимый, не знающій удержа послѣ подъема; при хотѣнн — бѣгущій на гору, при нехотѣнн — еле плетущійся подъ гору; ничего не обѣщающій внѣ дѣла и удивляющій неистощимымъ запасомъ и разнообразіемъ, безконечной тягучестью способностей въ дѣлѣ»...

Это тяжеловатый и угловатый камень, которымъ неопытный зодчій можетъ пренебречь, но который, если его поворачать на всѣ стороны, можетъ угодить въ главу угла.

Сквозь сильный загаръ лица пробивается добродушіе, которое легко провести и вмѣстѣ суровая сила воли и убѣжденія. Умный взглядъ и навощенный, къ верху вздернутый усъ придаютъ лицу пластуна выраженіе стойкости и неустрашимости. Въ самомъ дѣлѣ — это лицо окурненное порохомъ, превращенное въ бронзу непогодами, какъ бы говоритъ вамъ: не бойсь, передъ опасностью — ни въ задъ, ни въ сторону! Когда вы съ нимъ идете въ опасномъ мѣстѣ или въ опасное дѣло — отъ его шага, отъ его взгляда и простыхъ словъ вѣетъ на васъ какъ имъ то спокойствіемъ, какимъ то забвеніемъ опасности.

Черкеска отрепанная, покрытая разноцвѣтными, нерѣдко даже вслѣдствіе потеряннаго терпѣнія отъ починки, кожанными заплатами; папахъ вытертая, порывѣвшая, но въ удостовѣреніе беззаботной отваги — лихо заломленная на затылокъ; чевяки изъ кожи дикаго кабана, щетиною наружу — вотъ будничное убранство пластуна. Прибавьте къ этому сухарную сумку за плечами, добрый штуцеръ въ рукахъ, привинтной штуцерный тесакъ съ деревяннмъ набойникомъ спереди около пояса и ви-сящая съ боковъ пояса такъ называемая «причиндалія»: пороховница, кулечница, отвертка, жирникъ, шило изъ рога дикаго козла, иногда котелокъ, иногда балалайка или даже скрипка — и вы составите

себѣ полное понятіе о походной наружности пластуна какова она есть».

Таковъ былъ пластунъ періода Кавказскихъ войнъ.

Въ 1842 году по штатамъ, пластунскія команды были во всѣхъ конныхъ и пѣшихъ частяхъ Черноморскаго Войска, а за нимъ и Линейнаго. По нашему это были команды развѣдчиковъ.

Со временемъ, пѣшіе первоочередные батальоны специально уже обучались пластунскому искусству и пѣшій казакъ Кубанскаго Войска сталъ синонимомъ пластуна.

Въ 1864 году окончилась Кавказская война; къ севастопольскимъ георгіевскимъ знаменамъ, Кубанскіе пластуны получили еще новыя награды, а въ

Пластуны 2-го и 8-го баталіоновъ Черноморскаго Казачьяго Войска, отличившіеся при защитѣ Севастополя въ 1854 - 55 г.г.: 1. Марко Сопельнякъ. 2. Иванъ Кравченко. 3. Парамонъ Бѣлый. 4. Иванъ Чижъ. 5. Демьянъ Онищенко. 6. Тарасъ Сопельнякъ. 7. Порфирій Семакъ.

1870 году пѣшіе батальоны получили наименованіе «пластунскихъ». Въ кампаніи 1877-78 г.г. Кубанская пѣхота показала себя такими же пластунами, какими были Черноморцы раньше, хотя теперь и Линія и Запорожье выставляли пѣшіе батальоны.

Раньше ихъ было только 3 — первоочередныхъ; въ Войскѣ Кубанскомъ уже — 6.

Пришла Японская кампанія и пластуны вновь украсили Войско отличіями; пришла — Великая война — они прогремѣли по цѣлому свѣту; спасли Кавказъ и честь Арміи въ Закавказьи, били прославленную германскую гвардію, удерживали знаменитую «фалангу Макензена» на р. Санѣ тогда,

когда ни российская трагедія, ни вся армія не смогли остановить ея напора; были «ударными частями» еще императорской арміи, спасая положеніе фронта вездѣ и всюду и были непобѣдимыми «Кавказскими орлами» на фронтѣ Турецкомъ, подъ Сары-Камышемъ.

Пришла война за Казачью волю, и пластунъ геройски бился съ красными ордами.

И вездѣ и всегда отъ стародавняго Грюнвальда начала 15-го ст. и до нашихъ дней — скромная, незамѣтная, невзрачная казачья пѣхота творила чуде-

са храбрости и поражала доблестью современниковъ.

Пасынки регулярной арміи — они были незаменимыми блестящими героями боевой жизни.

Тихо, скромно, спокойно, съ присущимъ ему вѣковѣчнымъ юморомъ, дѣлалъ пластунъ свое обычное пластунское дѣло, не ища «ни корысти ни славы», а Слава сама его находила.

Полковникъ Федоровъ.

РАЗЛИЛАСЬ ТЫ...

... Разлилась... Разливалась...

А теперь часто вижу ее — пересохшую... По всему ея широкому руслу — бугристые пески, изсохшіе корчаги... гдѣ-гдѣ плѣснивыя лужи...

Обвалились гордые «шпили». Съ корнемъ высохшимъ, конвульсивно изогнутымъ трупомъ, лежить наша —

«Многоводная»...

Надъ ней, тамъ и сямъ, низко склонились мягкостволия вербы... А и тѣ ужъ не плачутъ. Не шепчутъ молитвы. Тупо сматрять въ бугристый песокъ, время отъ времени бороздя его голыши вѣтками... Слобно молчаливая, безслезная мать, что «безучастными» руками прощупываетъ тѣло мертвого сына...

Ни пѣсенъ, ни смѣха, ни задорнаго ржанья копей, ни мычанья коровъ, ни фырканья барахтающейся въ водѣ дѣтвора казачьей...

Песокъ, корчаги, плѣснивыя лужи, да безкорыя вербы...

И ничто, ничто не откроетъ чужому, неказачьему оку, какая жизнь здѣсь разливалась —

«Вдаль и вширь»...

Какія прекрасныя возможности стояли передъ казачьимъ —

Богатыремъ - народомъ!

Излилась въ бездонное море раздольная сила. Осиротѣла ковыльная степь. И безъ воли — «Станица Вольная»...

.....

Слишкомъ щедра ты была, наша Родина! Безъ учета и счета богатствомъ своимъ разбрасывалась. За друга и недруга слала насъ —

«Въ смертный бой»...

И — о тебѣ, здѣсь нынѣ вспоминаючи, — съ усмѣшкой горькой признаемся:

— Увы, ни пользы намъ — ни тебѣ — Славы!..

Характерные типы Кубанскихъ казаковъ Кубанской Казачьей дивизіи въ Сербиі.

Разливалась... А отъ разливовъ твоихъ, чesались за ухомъ — твои — же. Была — Вольная, а

Казаку конь себя дороже.

покорно несла дань — пока не обезкровилась, и отъ вѣкового богатыря не произошла въ — ничто.

Создала совершеннѣйшія въ мірѣ Свободу и Равенство, а истекла кровью, защищая совершеннѣйшіе въ мірѣ Деспотизмъ и Неравенство...

Ибо сыны твои тебя знали лишь —

«Изъ далекихъ странъ»...

И въ грозный часъ борьбы за самое Тебя — Тебя —

«Не отстояли»...

Не сумѣли: ибо не знали Тебя...

Не знали источниковъ Своихъ. Не знали, что многоводность Твоя не въ «милостивѣйшихъ грамотахъ», а въ самобытности устоевъ Твоихъ. Не въ мертвыхъ заливныхъ болотахъ, а въ живыхъ подземныхъ ключахъ, бьющихся изъ глубины вѣковъ

Родившаяся въ кристалльных льдахъ — съ кристалльно чистою душою, безпечнымъ смѣхомъ, будто силы Твои неизбывныя — кормила Ты своею грудью и друга и недруга. Принимала званыхъ и незваныхъ, пока —

Гости не стали «хозяевами»,

А многоводность Твоя не правратилась въ плѣснивыя лужи...

Умеръ смѣхъ въ рассказаченныхъ станицахъ... въ тундрахъ сгнила Казачья

Пѣснь - Молитва,

А остатки остатковъ твоихъ — развѣяны по всему свѣту... И Богъ знаетъ, соберутся ли когда подъ единымъ стягомъ:

— За родной отовскій Домъ»...

Ночь ли спустится надъ родимую степь; день ли ясный, безоблачный показываетъ мнѣ Тебя отъ Эльбруса до Маныча — неузнаваема —

Ты, Кубань, наша Родина!

Странные, неизвестные люди — странное, незнаемое одѣяніе. —

Лишь тоска, что вѣщей птицей — чибисомъ кружится надъ Твоимъ просторомъ —

Моя, Ты, Родина...

Ибо ея изъ сердца безъ сердца — не выкинуть. Она приковала мой духъ къ Твоему широкому без-

долью и тяжкими думами прокорчевываетъ путь къ Твоему — Воскресенію.

Разлилась... Разливалась...

Но не Ты насъ выплеснула изъ родныхъ станицъ! Не улюлюканьемъ и злобнымъ смѣхомъ провела Ты насъ...

Мертвой стражею заняла Ты кремнистые утесы Побережья. Слезами съ кровью напоила подземные ручьи Свои...

А если мы Тебя «тогда» не отстояли —

Страждущее казачье семейство одной изъ горныхъ станицъ на Кубани въ 1927 году. Глава ея — отецъ и мужъ — за рубежомъ. Школяры, вѣрные казачьей традиціи — снялись при отцовскихъ кинжалахъ.

То не потому, —

Что — не хотѣли. —

Не смогли. Не сумѣли. Не знали.

И если Ты «тогда» «покорно»

Разливалась —

Теперь сумѣемъ втиснуть Тебя въ берега Твои.

Вл. Куртинъ.

Церковная жизнь на Кубани

со времени прибытія Запорожцевъ до послѣднихъ дней.

Когда Запорожцы изъ Буджацкихъ степей въ 1792-1793 г.г. переселились на Кубань и въ поискахъ мѣста, гдѣ бы можно и удобно было стать кошемъ, пришли и остановились въ Карасунскомъ куту, — то однимъ изъ первѣйшихъ дѣлъ, которыя они со-

вершили, закладывая нынѣшній Екатеринодаръ, — было сооруженіе двухъ церквей: Екатериненской и Войскового Собора. Дубы, покрывавшіе въ то время оба берега Карасуна (ихъ остатки можно было видѣть до послѣднихъ дней въ садахъ Духовнаго и

Отъ Бога положено казаку выше быть.

Епархіального училища и на Дубинкѣ), были вырублены и изъ нихъ же была сооружена Екатерининская церковь. *)

Иначе и трудно было представить ихъ начало жизни на новомъ мѣстѣ, у этихъ рыцарей и стражей св. Православной церкви, у которыхъ единственнымъ условіемъ принятія въ ихъ славное братство, «Сичъ Запорожскую», была — вѣра въ Бога и Пресвятую Троицу и православное крестное знаменіе. И всѣ тѣ тридцать восемь куреней, которые были и въ Запорожьи, раскинулись по своимъ мѣстамъ, начинали свою жизнь съ сооруженія храма. Станицы позднѣйшаго возникновенія, начиная съ одновременной куренямъ Екатерининской, часто однимъ своимъ названіемъ говорили, что не мыслить казачество своей жизни безъ церкви и внѣ ея.

Въ тѣ же первые годы своего поселенія на Кубани были основаны Войскомъ два монастыря: Николаевскій и Маріе-Магдалинскій — женскій. И много лѣтъ въ первомъ монастырѣ, куда по старому запорожскому обычаю уходили старые воины, не могущіе уже по немощи старческой держать саблю въ ослабѣвшихъ рукахъ, — среди монастырской братіи и преобладалъ элементъ болѣе привыкшій въ своей жизни къ дыму пороховому, нежели кадилному. — Словомъ, въ концѣ 18-го вѣка на одной изъ окраинъ Россійской имперіи прочно осѣло нѣсколько десятковъ тысячъ людей исключительно глубокой религіозности, необычайной твердости въ вѣрѣ и преданности св. Православію. Тѣмъ не менѣе въ дѣлѣ организаціи этой стороны своей жизни казаки на Кубани были почти предоставлены самимъ себѣ. Въ церковно - административномъ отношеніи первое время своей жизни на новыхъ мѣстахъ Черноморское войско зависѣло отъ епископовъ Екатеринославскихъ, въ Екатеринодарѣ же было организовано (и то не сразу) Духовное Правленіе съ очень ограниченнымъ кругомъ дѣлъ. Войсковые протоіереи, въ силу такихъ обстоятельствъ, сразу приобрѣли исключительно высокое положеніе въ церковно - религіозной жизни новаго края и отъ ихъ душевныхъ качествъ и добраго расположенія многое зависѣло въ дѣлѣ устроенія церковной жизни на Кубани. Попеченіемъ Божиимъ въ первые же десятилѣтія жизни казаковъ на Кубани былъ воздвигнутъ великій свѣтильникъ вѣры и просвѣщенія — приснопамятнымъ о. протоіереемъ Кирилломъ Россинскимъ. Упорядоченіе церковной жизни и особенно начало народнаго просвѣщенія на Кубани неразрывно связано съ его именемъ. При немъ, въ 1818 - 22 г.г. было открыто первое учебное заведеніе на Кубани — «Екатеринодарское духовное училище» (приходское и уѣздное), помѣщавшееся дол-

*) Въ послѣдніе годы, послѣ освященія Екатерининскаго Собора, старая Екатерининская церковь была перенесена въ «Сады», въ сѣверной ихъ части, по направленію къ станицѣ Новотитаровской.

го въ сторожкѣ Екатерининской церкви на сѣверо-западномъ углу Екатерининской площади (противъ теперешняго дома Бородина). Нѣсколько позднѣе имъ же открывается Войсковая Гимназія, и въ своемъ лицѣ о. К. Россинскій объединяетъ все церковное и просвѣтительное дѣло на Кубани. Онъ былъ предсѣдателемъ Духовнаго Правленія, Смотрителемъ духовныхъ училищъ, Директоромъ Войсковой Гимназіи и Войсковымъ Протоіереемъ. Равнаго ему по своей дѣятельности и значенію изъ послѣдующихъ Войсковыхъ протоіереевъ уже не было, но дѣло, начатое имъ, не погибло, и возросши — принесло многократный обильный плодъ.

Кубанскій Войсковой Соборъ

в г. Екатеринодарѣ.

Отдаленность епархіальной власти отъ Черноморья представляла большія затрудненія для церковной жизни на Кубани. Бывали случаи, когда какой-нибудь «дьячекъ» Калайтанъ дважды въ лѣто долженъ былъ являться къ «Великому Господину, Высокопреосвященнѣйшему Іову, Архіепископу Екатеринославскому», — и, чтобы поощрить его ко второй поѣздкѣ, ему былъ обѣщанъ стихарь, неизвѣстно, впрочемъ, полученный ли имъ.

Многія сотни верстъ разстоянія, бездорожье того времени, дѣлали Кубань заброшенной и оторванной, а вслѣдствіе этого часто забываемой. Для устраненія этихъ неудобствъ въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія Черноморье въ церковномъ отношеніи было присоединено къ Астраханской епархіи, но нельзя сказать, чтобы это мѣропріятіе было особенно удачнымъ. Астрахань была болѣе отрѣзана отъ Кубани, чѣмъ далекій Екатеринославъ: 400 верстъ совершенной пустыни, безводныхъ калмыц-

кихъ степей, особенно въ зимнюю пору бурановъ и морозовъ дѣлали совершенно невозможнымъ сообщеніе Астрахани съ Екатеринодаромъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что астраханскіе архіереи сами просили объ отчисленіи отъ ихъ епархіи Черноморья, и въ скоромъ времени церкви и приходы Кубани были подчинены Донскимъ архіепископамъ, въ подчиненіи у которыхъ и были до образованія Кавказской епархіи.

Эта новая епархія обнимала собою громадное пространство: весь Сѣверный Кавказъ, отъ Каспійскаго моря до Чернаго, съ епархіальнымъ центромъ въ Ставрополѣ Кавказскомъ. Совершенно понятно, что Ставропольскіе архіереи, начиная съ перваго епископа Кавказскаго Теофилакта и оканчивая архіепископомъ (умеръ въ санѣ митрополита, не зная объ этомъ, въ 1919 г.) Агаѳодоромъ, всю свою дѣятельность направляли на близкій и знакомый имъ Ставрополь, часто совершенно забывая о заброшенномъ, далеко въ Екатеринодарѣ. Бывали случаи и явнаго небреженія церковными интересами и запросами Кубани. Еще по представленію, кажется, приснопамятнаго о. Кирилла Россинскаго было положено начало образованію такъ называемаго «Черноморскаго духовнаго учебнаго капитала», предназначавшагося, понятно, на устройство и содержаніе духовно-учебныхъ заведеній на Кубани. Къ 80-ымъ годамъ прошлаго столѣтія этотъ капиталъ возросъ до солидной суммы, далеко превышавшей 100.000 руб. Изъ этихъ денегъ дѣлались свободно позаймствованія на постройку епархіальнаго училища въ Ставрополѣ по тому вполне справедливому соображенію, что это училище будетъ обслуживать и Кубань. Но когда Кубанское духовенство на сѣздѣ своемъ въ началѣ 80-хъ годовъ постановило употребить оставшіяся деньги этого капитала на постройку новаго зданія духовнаго училища (уголь Котляревской и Екатерининской, рядомъ съ подворьемъ Лебяжьяго м—ря), — преосв. Германъ (Остцкій) рѣшительно воспротивился этому, и вопросъ благополучно разрѣшился уже при другомъ епископѣ.

Словомъ, въ церковномъ отношеніи Черноморье и Кубань все время были какъ бы заброшены и пренебрежены. Богатый край, населенный исключительно по своей религіозности и церковности народомъ, былъ все время придаткомъ другихъ областей, иногда далеко уступавшихъ ему въ этомъ отношеніи.

Интересно отмѣтить, что на объединенномъ епархіальномъ сѣздѣ Кубани и Ставрополя на Церковный Московскій Соборъ 1917 года только препод.

Ставропольской Дух. Семинаріи Я. Д. Сперанскій былъ отъ Ставрополя. Остальные четыре члена, два отъ духовенства и два отъ мірянъ (оба казаки) были Кубанцы. На Московскомъ Соборѣ было еще два Кубанца — представители Кавказской арміи.

Менѣе населенный и болѣе бѣдный Терекъ успѣлъ получить церковную самостоятельность въ концѣ прошлаго столѣтія. А многолюдная, богатая Кубань съ ея 450 приходами, 5 монастырями, богатыми храмами и исконнымъ православнымъ населеніемъ не могла этого добиться до времени Ставропольскаго помѣстнаго Собора (май 1919 г.), когда полусамостоятельное Екатеринодарское викаріатство было окончательно выдѣлено въ самостоятельную епархію съ епископомъ Іоанномъ — Кубанскимъ и Екатеринодарскимъ — во главѣ.

Прошлое прошло. Впереди будущее. И если въ минувшемъ были ошибки и недостатки, — тѣмъ болѣе должны беречься отъ нихъ тѣ, кому Богъ приведетъ вновь строить жизнь на Кубани. Для народа, утратившаго вѣру и все съ ней связанное, — нѣтъ свѣтлаго будущаго. И сколь силенъ въ своей религіозности, а вмѣстѣ съ этимъ во всякой жизненной борьбѣ, тотъ народъ, который всѣмъ существомъ своимъ связанъ черезъ церковь и ея установленія съ самой глубиной религіозной жизни. Обычнымъ и естественнымъ на Кубани было явленіе, когда славный казакъ самъ ли непосредственно, черезъ своихъ ли дѣтей становился въ ряды клира, — пріобщаясь тѣснѣйшимъ образомъ черезъ это къ Церкви, ея жизни и дѣятельности. И славный хорунжій Запорожскаго войска, переносившій на плечахъ пушку во время боя, на склонѣ дней своихъ, своими ослабѣвшими силами мирно служилъ церкви Божіей, подавалъ кадило снѣщеннику.

Скиданы, Канайтаны, Конограи, Ширази, Шкуро, Погуляевы, Николайченки, Кущи и мн. др. фамиліи говорятъ о неподдѣльности, о неразрывности духовенства отъ казачества на Кубани, напоминая лучшія прошлыя времена, когда Тупталы и Горленки давали свв. Димитріевъ и Іосафовъ.

Да благословитъ же Господь Богъ родную Кубань, послѣ прогнанія красной нечисти, процвѣтаніемъ вѣры и благочестія, красотою и благолѣпіемъ храмовъ Своихъ, чистотою и подвижничествомъ обителей подъ мудрымъ водительствомъ своихъ архіереевъ, епископовъ Кубанскихъ и Екатеринодарскихъ.

Мѣнтоня.

Протоіерей Григорій Ломако.

СТАВРОПОЛЬСКОЕ КАЗАЧЬЕ ЮНКЕРСКОЕ УЧИЛИЩЕ И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ ДЛЯ КУБАНСКАГО ВОЙСКА

(Отрывокъ очерковъ «Наше прошлое»)

Для Кубанскаго и Терскаго Казачьихъ Войскъ, Ставропольское казачье юнкерское училище имѣло особое значеніе — оно помогло имъ избавиться отъ пополненія своихъ строевыхъ частей офицерами не изъ казаковъ.

Отличаясь прекрасными боевыми качествами, казачье офицерство, относительно параднаго и, вообще, внѣшняго лоска — во многомъ уступало армейскому. Въ то время, какъ послѣднее представляло собою совершенно отдѣльную касту въ арміи, связанную съ рядовымъ составомъ ея только общностью службы, — казачье офицерство было связано съ рядовымъ казачествомъ не только службой, но и общей частной жизнью въ станицахъ, гдѣ оно не пользовалось почти никакими привилегіями. Этой общности офицерства съ рядовымъ казачествомъ много способствовали и родственныя отношенія. Зачастую въ одной семьѣ казака можно было встрѣтить сыновей офицеровъ и, наоборотъ, въ семьѣ офицера — сыновей, рядовыхъ казаковъ, или двухъ братьевъ, изъ которыхъ, одинъ былъ офицеромъ, другой оставался рядовымъ казакомъ всю жизнь. При этомъ нужно имѣть въ виду, что казачьи офицеры, за свою службу пенсіи не получали и сами должны были заботиться о приобрѣтеніи средствъ для жизни послѣ отставки. Взамѣнъ пенсіи они пользовались періодическими льготами для поддержанія своихъ хозяйствъ, когда приходилось работать дома наравнѣ съ прочими казаками. Само собою разумѣется, что при такихъ обстоятельствахъ, лайковыхъ перчатокъ на руки не натянешь и, привывши танцевать на конѣ, въ бою и съ вилами и граблями на льготѣ — особенной склонности къ бальнымъ танцамъ не получишь. Были, конечно, исключенія изъ этого, именно, въ лицѣ окончившихъ курсъ кадетскихъ корпусовъ или гимназій, но такихъ было очень и очень мало. Они какъ-то терялись въ общей массѣ. Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго, армейское офицерство, не вѣличавшееся и само особенно широкимъ кругозоромъ, относи-

лось къ казачьимъ офицерамъ свысока, возбуждая къ себѣ непріязнь послѣдняго. Между тѣмъ кончилась Кавказская война, вся армія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, казачьи части перешли на мирное положеніе и центр тяжести службы перевѣсился съ боевой дѣятельности на подготовку къ боевой службѣ въ мирномъ положеніи: — практику смѣнила теорія.

Начальство, всегда смотрѣвшее на казачество, какъ на второстепенное воинство — нашло полезнымъ допустить къ службѣ въ казачьихъ строевыхъ частяхъ и армейскихъ офицеровъ, какъ болѣе знакомыхъ съ субординаціей, въ которыхъ оно видѣло главную основу военнаго дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлось въ виду, этой мѣрой поднять престижъ казачьяго офицерства, и сблизить его съ армейскимъ.

Надежды эти не оправдались и привели даже, пожалуй, къ нежелательнымъ результатамъ.

Дѣло въ томъ, что въ казачьи части шелъ далеко не лучший элементъ армейскаго офицерства, а тѣмъ, которымъ ничего болѣе не оставалось — либо выйти въ отставку, либо идти «въ казаки». Были, конечно, изъ этого исключенія, но они были очень и очень рѣдки. Своеобразно поняли эти армейскіе офицеры свободу казачества. Попавъ въ строевыя казачьи части, они прежде всего считали себя свободными отъ всѣхъ тѣхъ обязанностей, которыя налагала на нихъ прежняя служба. Небрежность, манкированіе службой, полное непониманіе и нежеланіе понять принятыхъ на себя обязанностей — были обыкновеннымъ явленіемъ среди нихъ. Кутежи и карточная игра, которая до того считалась среди казачества чуть не омерзительнымъ грѣхомъ — были обыкновеннымъ времяпрепровожденіемъ. Во всемъ чувствовалось полное разгильдяйство.

А между тѣмъ, чуждое казачеству Войсковое начальство видѣло въ нихъ просвѣтителей казачества и старалось отличать ихъ, правда, по возможности, на высшія ступени служебной іерархіи. Ближайшее-же, зная это, остерегалось быть къ нимъ слишкомъ требовательнымъ. Это породило разнь между офицерами въ частяхъ, которая поддерживалась тѣмъ обстоятельствомъ, что офицеры, переведенные изъ арміи, сохраняли свой армейскій окладъ содержанія, который въ первое время былъ выше содержанія казачьихъ офицеровъ. Выходило такъ, что кто служилъ не за страхъ, а за совѣсть, расцѣнивался дешевле. Отсюда дѣлается понятной та нетерпимость казачьихъ офицеровъ ко всякаго рода пришельцамъ въ ихъ среду, которая не была изжита окончательно даже до послѣдняго времени.

Тѣмъ болѣе, что пришельцы эти относились нѣсколько свысока къ казакамъ.

Не лучшія отношенія установились у этихъ офицеровъ и съ рядовымъ казачествомъ, несмотря на всѣ способы, употребляемые ими для пріобрѣтенія популярности, способы, доходящіе до панибратства. Попавъ въ среду совершенно имъ чуждую, они старались внѣдрить въ нее тѣ-же пріемы и тотъ духъ, которые были для нихъ привычны въ предыдущей ихъ службѣ, не считаясь съ тѣмъ направлениемъ, которое господствовало съ давнихъ поръ въ средѣ новой ему обстановки, въ которой они являлись совершенно чужими людьми. Они приходили въ чужой монастырь со своимъ уставомъ. Прежде всего нужно отмѣтить ту рознь взглядовъ на службу, которая существовала между армейскими офицерами и казаками.

Въ арміи формализмъ имѣлъ преобладающее значеніе. Тамъ онъ оправдывался необходимостью спайки разнородныхъ элементовъ, попадавшихъ въ контингентъ ея пополненія. Его нужно было привести, что называется, къ одному знаменателю; при этомъ всякая мелочь, конечно, имѣла большое значеніе, какъ способъ подготовки къ согласованному дѣйствію массы. У казаковъ, съ малыхъ лѣтъ связанныхъ чувствомъ товарищества и взаимной выручки, такія подготовительныя требованія были совершенно излишни. Они давно имѣли свой общій знаменатель и считали всякую формальность «пустяковой», не имѣющей никакого значенія къ боевой подготовкѣ. Въ концѣ концовъ и само начальство пришло къ заключенію, что назначеніе регулярныхъ офицеровъ въ казачьи части не очень-то полезно, такъ какъ они «незнакомы съ бытомъ казачества» — фраза, ничего, въ сущности, не выражающая и понимало вѣдь его и само начальство, въ большинствѣ чуждое казачеству, такъ какъ, несмотря на все это, — назначеніе регулярныхъ офицеровъ въ казачьи части продолжалось. Не имѣя другого фундамента для своего авторитета средъ казачества, офицеры эти опирались на свои чины и привилегіи у начальства и доходили, иногда, до полного безобразія.

Рядовое казачество если этого всего и не понимало, то чувствовало и, конечно, не могло имѣть особенной симпатіи къ нимъ. Если каждая строевая часть имѣла свои традиціи, хранителями которыхъ являются офицеры полка, то казачьи части, кромѣ того, имѣютъ еще и свои войсковыя традиціи, хранителями которыхъ являются всѣ офицеры войска. Какими же хранителями традицій будутъ эти чуждые войску офицеры, въ большинствѣ относящіеся не только свысока, но часто и съ пренебреженіемъ къ самому Казачеству?!

Въ общемъ итогъ, результаты всего этого оказались весьма плачевные, а именно:

1. Престижъ казачьяго офицерства не только не былъ поднятъ, но скорѣе понизился, такъ какъ назначеніе въ казачьи части регулярныхъ офице-

ровъ, оставшихся почему либо неудобными въ арміи, служило оправданіемъ пренебрежительнаго отношенія къ казакамъ.

2. Внѣдреніе регулярнаго элемента въ казачью среду раскололо офицерство на двѣ части: привилегированныхъ — регулярныхъ, и обыкновенныхъ — казачьихъ.

3. Оторвало совершенно офицерство отъ рядового казачества, переставшаго чувствовать общность интересовъ.

4. Въ общемъ, — способствовало скорѣе ослабленію боевыхъ качествъ казачества, чѣмъ укрѣпленію ихъ.

Исправить все это выпало на долю Ставропольскаго казачьяго юнкерскаго училища и нужно сознать, что оно прекрасно справилось съ этой задачей, давъ рядъ выпусковъ чудныхъ строевыхъ офицеровъ по отзывамъ строевого начальства.

Расширить контингентъ комплектованія корпуса офицеровъ Кубанскаго и Терскаго казачьихъ Войскъ, замѣнивъ цензъ прохожденія въ строю цензомъ образовательнымъ, — Ставропольское училище дало возможность достигъ офицерскаго чина и рядовому казачеству, что прежде было невозможно, помимо боевого отличія. Училище, такъ сказать, демократизировало корпусъ офицерства. Казалось бы, что эта мѣра должна была бы увеличить рознь между армейскимъ и казачьимъ офицерствомъ, но ввиду такой же реформы комплектованія перваго, она, наоборотъ сближала ихъ, такъ какъ и въ среду армейскихъ офицеровъ попадали молодые люди разныхъ классовъ, сословій и состоянія, которымъ нечѣмъ было особенно гордиться передъ казачествомъ. Это былъ первый и существенный шагъ къ ихъ сближенію. Казачество широко воспользовалось предоставленными ему правами и во все время своего существованія — училище никогда не было въ не-комплектъ своего штатнаго состава. Если первые абитургенты его были воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній, до имѣющихъ аттестатъ зрѣлости включительно, то уже со втораго года начали появляться молодые люди самостоятельно подготовившіеся къ экзамену на права вольноопредѣляющагося 3-го разряда, дающихъ право на поступленіе въ училище. Число такихъ увеличивалось съ каждымъ годомъ. Пробывъ 7 лѣтъ въ Ставропольскомъ училищѣ въ качествѣ строевого офицера и преподавателя, по чистой совѣсти могу засвидѣтельствовать, что такого серьезнаго отношенія къ своему дѣлу, такого усердія и любви къ нему, какое обнаруживали юнкера этого училища, — трудно не только встрѣтить, но и вообразить, не будучи очевидцемъ. Чему его приписать? Быть можетъ сознаніе однихъ, что они хватаются за послѣдній сучекъ для спасенія своей будущей жизни; честолюбіе другихъ — надѣтъ офицерскіе эполеты, о которыхъ только видѣлось во снѣ, какъ недостижимое достиженіе — судить не берусь, но фактъ остается фактомъ. Неудивительно, что училище, ежегодно

собирая свѣдѣнія о своихъ питомцахъ, получало отъ строевого начальства наилучшія аттестаціи о нихъ и онѣ не были безсознательными, какъ я могъ удостовѣриться потомъ, встрѣчая ихъ впослѣдствіи на своемъ служебномъ пути. Были въ полкахъ офицеры и болѣе образованные, были «страдающіе большимъ лоскомъ», но истинными труженниками, на которыхъ держалась строевая часть, какъ послѣ оказалось и боевая, были именно бывшіе юнкера Ставропольскаго училища. Обладая такими высокими качествами, они скоро вытѣснили пришлый элементъ и подняли престижъ казачьяго офицера на такую высоту, что въ казачьи части не стѣсняясь начали выходить не только изъ военныхъ училищъ, но даже и изъ Пажескаго корпуса.

Это былъ единственный путь, по которому, не будучи казакомъ, можно было попасть на службу въ казачьи части. Но это уже не были тѣ, какъ ихъ называло казачество, «московскіе казаки», которые видѣли традиціи казачества въ неряшливости, разгильдяйствѣ и въ постоянныхъ кутежахъ съ пѣніемъ «Мраво Джавіе», нарочно обрывавшіе свои новыя черкески, чтобы «висѣли стряпья» и бѣлыми руками, раздирая шашлыкъ, увѣряя, что такъ онъ гораздо вкуснѣе. Это были еще не установившіеся юноши, попавшіе прямо со школьной скамьи въ среду казаковъ не потому, что некуда дѣваться, а по своему желанію и легко поддающіеся вліянію той среды, куда они попали. Уступая въ практическомъ знаніи строя, они превосходили послѣднихъ во всестороннемъ знаніи военного дѣла и были даже желательными въ строевыхъ казачьихъ частяхъ.

Боевое крещеніе юнкера Ставропольскаго училища получили въ войну 1877-78 г.г. Къ этому времени въ конныхъ частяхъ Кубанскаго войска уже почти не было офицеровъ, назначенныхъ изъ арміи. Ихъ занимала молодежь, выпущенная изъ Ставропольскаго училища, и замѣнила съ честью.

Мнѣ лично суждено было услышать оцѣнку дѣйствій кубанцевъ въ турецкую войну 1877 года. По установившемуся обычаю, всѣ фельдфебеля шефскихъ ротъ Военныхъ училищъ вмѣстѣ со своими командирами ротъ и начальниками училищъ на пер-

вый день Пасхи приносили поздравленія Государю Императору.

Въ 1878 г. Пасха приходилась на 16 апрѣля. Въ этомъ году былъ ускоренный выпускъ и производство совершилось въ день Пасхи. Вслѣдствіе этого приказано было фельдфебелямъ явиться для поздравленія въ офицерскихъ мундирахъ къ заутрени на Высочайшій смотръ, а въ 11 часовъ дня для по-

Школяры на Кубани въ одной изъ станицъ Войска въ 1910 году. Справа, въ 4-мъ ряду, въ бѣлой папахѣ, Сотникъ В. Г. Науменко — нынѣшній Кубанскій Войсковой Атаманъ.

здравленія въ Зимній дворецъ. Такъ какъ я былъ фельдфебелемъ шефской роты 3-го Александровскаго училища, то мнѣ пришлось стоять въ ряду предпослѣднимъ. За мною былъ только фельдфебель инженернаго училища, а вправо отъ меня фельдфебеля первыхъ двухъ училищъ, и за нами — наше начальство. Казакъ — фельдфебель шефной роты!.. Чуть ли не первый случай, какъ и то, что фельдфебеля представлялись въ офицерскихъ мун-

дирахъ. Представленіе происходило въ билліардной. Государь, выйдя изъ кабинета, окинулъ взоромъ представляющихся, невольно приостановясь, увидя мой, рѣзко выдѣляющійся отъ прочихъ, мундиръ.

— «Ага! Кубанецъ!» воскликнулъ онъ и, затѣмъ, обращаясь къ присутствующимъ, прибавилъ: «А молодцами они показали себя въ эту войну». Послѣ чего началъ христосоваться съ праваго фланга.

Послѣдняя міровая война застала уже только остатки бывшихъ юнкеровъ Ставропольскаго училища, въ большинствѣ случаевъ на отвѣтственныхъ должностяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ достигли не только высшихъ чиновъ въ военной іерархіи, но и прошли курсъ академіи генеральнаго штаба.

Будущее дастъ оцѣнку ихъ доблести въ эту войну, такъ какъ въ настоящее время, благодаря общей разрухѣ, трудно подвести итогъ, но нѣкоторые факты, какъ напримѣръ взятіе первыхъ орудій противника сотней 1-го Линейнаго полка подъ командой, нынѣ полковника, Тихоцкаго, питомца Ставропольскаго училища, особое отличіе баталіона пластунствъ, которымъ командовалъ полковникъ Зинковский, также Ставрополецъ, за что оба были награждены высшей военной наградой — орденомъ Св. Георгія 4-й ст., а баталіонъ получилъ Георгіевское знамя. Наконецъ, блестящія дѣла Кубанской пластунской бригады, которой командовалъ генеральнаго штаба ген.-маіоръ, нынѣ ген.-лейт. И. Е. Гулыга — свидѣлствуютъ, что таившаяся въ груди питомцевъ Ставропольскаго училища искра бывшихъ доблестей старыхъ казаковъ, вспыхнула яркимъ пламенемъ, озарила сѣдыя знамена, свидѣтелей прежней славы и подвиговъ Кубанцевъ.

Не чужды оказались юнкера Ставропольскаго училища и литературному, собственно, военно-историческому труду своего Войска. Первый шагъ въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ нынѣ ген.-маіоромъ Толстовымъ, юнкеромъ выпуска 1879 года. Солидный и основательный трудъ его «Исторія Хоперскаго полка» — первый камень, вложенный въ фундаментъ Военной исторіи Кубанскаго Войска, которая до него не разрабатывалась, отдѣливаясь иногда только собираніемъ отдѣльных эпизодовъ.

Генеральнаго штаба ген.-маіоръ Гулыга, юнкеръ Ставропольскаго училища выпуска 1878 года издалъ прекрасный трудъ, посвященный Наслѣднику Цесаревичу, «Исторія Полтавскаго полка Кубанскаго Казачьяго Войска», талантливо изложенная и роскошно издана. Отъ него же ожидается довольно цѣнный трудъ о дѣйствіяхъ пластунскихъ бригадъ въ міровую войну. Нужно ожидать, что это будетъ дѣйствительно дорогой вкладъ въ литературу по военной исторіи не только Кубанскаго войска, но и вообще по исторіи прошлой войны.

Юнкеръ Ставропольскаго училища болѣе позднихъ выпусковъ, нынѣ полковникъ Тихоцкій, первый кавалеръ св. Георгія 4-й степени Кубанскаго

Войска и, если не ошибаюсь, всей Русской арміи прошлой войны, для ознакомленія сербовъ съ боевой дѣятельностью Кубанскихъ казаковъ, выпустилъ нѣсколько брошюръ на сербскомъ языкѣ о нѣкоторыхъ эпизодахъ дѣйствія 1-го Линейнаго полка Кубанскаго Войска, въ которомъ онъ служилъ, и готовить на русскомъ языкѣ трудъ о дѣйствіяхъ этого полка въ теченіе всей войны. Этотъ даровитый офицеръ не пропускаетъ случая, чтобы возможно шире популяризировать родное ему Войско, дѣлая доклады въ офицерскомъ собраніи и помѣщая ихъ въ мѣстной періодической печати.

Ему же, этому «безпокойному» полковнику, принадлежитъ и мысль сгруппировать бывшихъ юнкеровъ Ставропольскаго училища здѣсь, за рубежомъ родины.

Выбравъ удобный моментъ, онъ сдѣлалъ кличъ и дружно откликнулись на его призывъ Ставропольцы, ряды которыхъ сильно порѣдѣли за время міровой и гражданской войны. Въ этомъ дружномъ откликѣ сказалась вся любовь къ своему старому, уже разоренному гнѣзду, изъ котораго вылетѣли молодые орлята. Въ немъ выразился старый заветъ казачьяго чувства товарищества и взаимной выручки, какъ основа всѣхъ доблестей. Но, казалось бы, что учрежденіе, принесшее Кубанскому и Терскому войскамъ неоцѣненные услуги въ дѣлѣ подбора офицерскаго состава, и вселившее такую любовь къ себѣ, что и сейчасъ его питомцы съ любовью вспоминаютъ о немъ, должно бы пользоваться вниманіемъ со стороны этихъ войскъ, между тѣмъ тогдашніе Войсковые Начальники этихъ войскъ держали себя совершенно въ сторонѣ отъ училища, какъ будто оно рѣшительно не касалось ихъ. Я не знаю ни одного случая, чтобы Атаманы этихъ войскъ или ихъ начальники штабовъ посѣтили училище и заинтересовались постановкой дѣла въ немъ. По крайней мѣрѣ за всѣ семь лѣтъ моего пребыванія въ училищѣ только одинъ разъ посѣтилъ его начальникъ Войскаго штаба Кубанскаго войска генеральнаго штаба полковникъ Залѣсскій и то, вѣроятно, только потому, что самъ онъ былъ кубанскій казакъ и назначался командиромъ Закаспійской казачьей бригады. Ему, конечно, интересно было ознакомиться съ тѣмъ учрежденіемъ, откуда онъ будетъ получать офицеровъ въ свою бригаду. Атаманы, видимо, считали это излишнимъ любопытствомъ для себя.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что когда пришло время о закрытіи окружныхъ юнкерскихъ училищъ, считавшихся временной мѣрой и перестроиванія нѣкоторыхъ изъ нихъ въ военные училища, — Ставропольское училище было закрыто безъ всякаго протеста со стороны Наказныхъ Атамановъ Кубанскаго и Терскаго войскъ: — вѣдь они не знали ни самаго училища, ни его питомцевъ, ни степени ихъ подготовки. Для нихъ училище было — «шморгонская академія», а можетъ ли быть что-либо хорошее изъ такого учрежденія? Быть мо-

жетъ было бы иначе, если бы они видѣли, какъ на дѣлѣ поставлена была эта подготовка.

Какого не высокаго мнѣнія былъ атаманъ Кубанскаго войска о своихъ офицерахъ, могу указать на слѣдующій фактъ. Не помню только въ какомъ году, не то въ 1903, не то въ 1902 году, было рѣшено сформировать одинъ или два конныхъ полка изъ горцевъ Кубанской и Терской области. Возникъ вопросъ: какихъ офицеровъ назначить. Горцы просили казачьихъ. Были запрошены по этому поводу атаманы. Не знаю, что отвѣтилъ Терскій атаманъ, но Кубанскій, ген. штаба ген.-майоръ Малама далъ такой отвѣтъ: «Считаю казачьихъ офицеровъ элементомъ непригоднымъ. Для этого было бы болѣе надежнымъ дать офицеровъ регулярной кавалеріи». Почему онъ считалъ казачьихъ офицеровъ «непригоднымъ элементомъ», — было извѣстно только ему одному, такъ какъ въ отвѣтъ никакой мотивировки этого мнѣнія не было. По роду же службы, предполагаемые полки намѣревались причислить къ числу казачьихъ, удержавъ въ нихъ всѣ казачьи особенности и по строю, и главное, — по ѣздѣ. Въ видѣ опыта въ Терскомъ войскѣ былъ сформированъ Осетинскій дивизионъ. Сколько туда вошло казачьихъ офицеровъ? — не знаю, но во главѣ его былъ поставленъ подполковникъ фонъ-Кубе. Вѣроятно, опытъ оказался удачнымъ, т. к. дивизионъ этотъ былъ вскорѣ сформированъ. Въ этомъ примѣрѣ нельзя не видѣть того отрицательнаго отношенія къ своимъ офицерамъ наказныхъ атамановъ, чуждыхъ казачеству. Могли ли они способствовать поднятію престижа казачьихъ офицеровъ? И особенно странно было такое отношеніе со стороны генерала Маламы, который раньше былъ начальникомъ штаба Кубанскаго войска и которому были извѣстны отзывы дивизионныхъ комиссій строевого начальства и ордера инспекторовъ Главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній.

Если съ теченіемъ времени взглядъ на казачьихъ офицеровъ во многомъ измѣнился къ лучшему, то этимъ мы обязаны всецѣло самимъ себѣ и тому учрежденію, въ которомъ они получили подготовку, а не какъ не старанію ихъ войскового начальства. Поддержки въ немъ они не встрѣтили.

Наказные атаманы, начальники войсковыхъ штабовъ, назначаемые со стороны, часто незнакомые ни съ бытомъ, ни съ законоположеніями казачества, въ большинствѣ случаевъ смотрѣли на свое назначеніе, какъ на переходную ступень для устройства своей карьеры, въ лучшемъ случаѣ смотрѣли совершенно безразлично на всякіе эксперименты, происходившіе въ подчиненныхъ ему казачьихъ войскахъ, или какъ на упражненіе въ своихъ административныхъ способностяхъ, мало считаясь съ интересами войска, и скорѣе въ ущербъ идеи казачества, считая его уже пережиткомъ прошлаго. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такомъ положеніи и вопросъ о существованіи Ставропольскаго училища, съ которымъ они рѣшительно не были знакомы, мало интересовалъ ихъ и съ легкимъ сердцемъ они допустили его закрытіе. Удержатъ его было очень легко, такъ какъ содержаніе его казнѣ ничего не стоило. Три четверти бюджета ложилось на Кубанскую войсковую казну, а четверть — на Терскую.

Штатный составъ офицеровъ строевыхъ казачьихъ частей былъ еще далеко не полонъ. Правда, части первой очереди могли быть укомплектованы до полнаго штата, но во 2-й очереди, за вычетомъ должностныхъ лицъ штаба полка, на сотню приходилось только по одному офицеру, а для 3-й очереди — запаса, можно сказать, никакого, ибо десятка два или три состоящихъ по войску, включая въ нихъ и отставныхъ, годныхъ къ призыву, нельзя считать запасомъ для 33 полковъ Кубанскаго Войска. Такъ обстояло дѣло въ 1891 году, когда я завѣдывалъ мобилизаціоннымъ отдѣленіемъ Кубанскаго войскового штаба. Не думаю, чтобы въ теченіе 4—5 лѣтъ, оставшихся до закрытія училища, дѣло значительно измѣнилось. Между тѣмъ, главной причиной закрытія Ставропольскаго училища было указано заполненіе штатовъ офицеровъ строевыхъ частей войска. Но главная причина была не въ этомъ, о чемъ я скажу въ слѣдующемъ очеркѣ Ставропольскаго училища.

Генеральнаго Штаба,
Генераль-Лейтенантъ Кокунько.

1-й Кавказскій полкъ

Въ 1881 году, двѣ сотни Кавказскаго полка, Кубанскаго Казачьяго Войска, въ районѣ крѣпости Кушка, конной атакой опрокинули послѣднюю сопротивляющуюся конную группу воинственныхъ туркменъ и афганцевъ

и этимъ завершили окончательное покореніе

русскому оружію полудикаго Туркестанскаго края. Съ этого года, весь полкъ, перекинутый изъ Закавказья, былъ сосредоточенъ въ Туркестанѣ и оставался въ немъ безсмѣнно вплоть до Великой войны 1914 года, занимая отдѣльными сотнями далекіе пограничные рубежи — далекую южную границу Русскаго государства.

Передъ войною полкъ занималъ: Двѣ сотни со

Степного коня, въ стойлѣ не удержитъ.

штабомъ полка въ г. Мервѣ. Двѣ сотни въ крѣпости Кушка (самый южный пунктъ Россіи). Одна сотня въ урочище Тахта - базаръ и одна сотня на посту Пуль - и - Хатумъ (по казачьи «пали - хатунъ»), гдѣ весь постъ составляли — казарма для сотни съ офицерскими пристройками, да сотенная конюшня. Вотъ и все. А кругомъ, на десятки верстъ — мелкіе посты пограничной стражи да жгучій песокъ...

Съ 1-мъ Таманскимъ полкомъ, 4-ю Кубанскою Казачьею батареею и Туркменскимъ коннымъ дивизиономъ — 1-й Кавказскій полкъ составлялъ «Отдѣльную Закаспійскую Казачью бригаду», въ составъ которой и выступилъ на Кавказскій фронтъ. Туркменскій дивизионъ, чтобы не воевать противъ своихъ же единовѣрцевъ — отправленъ былъ на Западный фронтъ

По мобилизаціи, полкъ впервые собрался въ г. Мервѣ и 25-го августа выступилъ на Кавказъ, пробывъ безсмысленно въ Туркестанѣ 33 года.

Прорѣзавъ парохдами Каспійское море — затѣмъ черезъ Баку-Тифлисъ — 2-го сентября полкъ перешелъ русско-турецкую границу у с. Шахтагты (возлѣ Джульфы) и 8-го сентября, всею бригадою, сосредоточился въ г. Маку (центръ Макинскаго ханства), войдя въ составъ Макинскаго отряда. Полкъ возглавлялъ Терскаго Войска Полковникъ Д. А. Мигузовъ. По объявленіи Турціей военныхъ дѣйствій противъ Россіи — 19-го октября полкъ, съ боемъ, перешелъ Персидско - Турецкую границу у села Базыргянъ (южнее и въ непосредственной близости горы Арабатъ) и занялъ рядъ курдинскихъ селъ. 22-го октября полкъ занялъ крѣпость Баязетъ, войдя въ непосредственную связь съ авангардомъ Эриванскаго отряда генерала Абаѣева (2-я пластунская бригада Генерала Гулыги и сотня 3-го Кавказскаго полка), наступавшаго со стороны Игдыря. Развивая движеніе — полкъ прошелъ долиною черезъ пункты Диадинъ, Ташлы-чай-Суфла и къ ноябрю мѣсяцъ былъ оттянутъ обратно къ Баязету, занявъ село Диза, что къ югу отъ него и передъ Топоризскимъ переваломъ, лежащаго у самаго истока библейской рѣки Ефрата.

Угроза паденія Сары-Камыша вызвала спѣшную переброску полка въ этомъ направленіи по государственной территоріи, но дойдя до Александрополя — полкъ былъ вновь возвращенъ въ с. Диза, такъ какъ турки были разбиты и плѣнены.

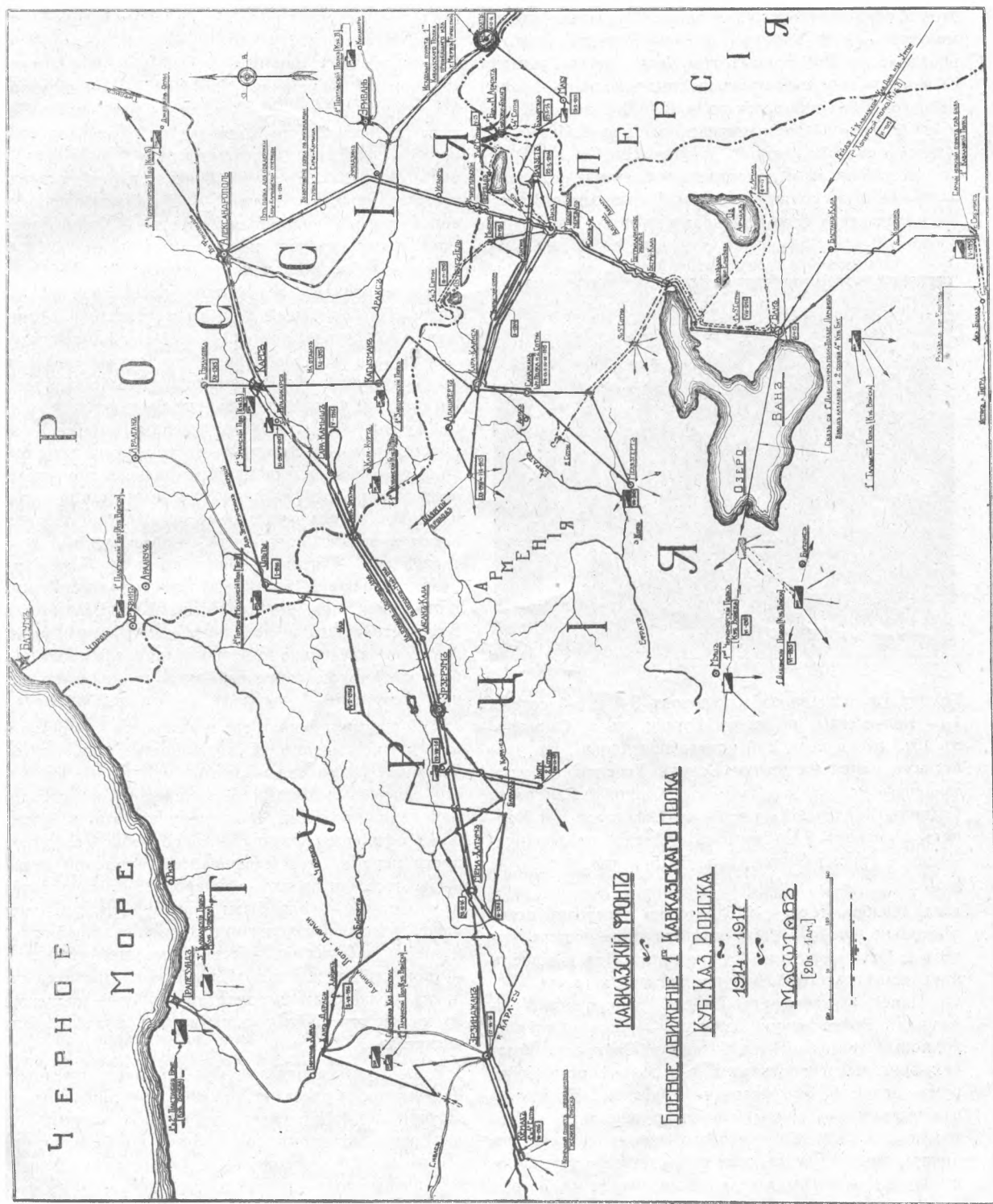
На усиленіе авангарда Эриванскаго отряда — полкъ, въ январѣ мѣсяцѣ 1915 года, вошелъ въ Алашкертскую долину, остановился въ ней и своими разъѣздами проходилъ знаменитый Даярскій проходъ (коварное ущелье), соединяясь съ Кубанскими полками, дѣйствовавшими со стороны Сары-Камыша. Въ мартѣ мѣсяцѣ того же года — полкъ вновь былъ оттянутъ къ Баязету (село Мысунъ) и въ концѣ апрѣля, войдя въ составъ Арабатскаго отряда (Закаспійская Казачья бригада, Кавказская Конно-горная батарея и Армянскія національныя дружины —

Дро, Амазаспъ, Кери) и, — когда въ долинахъ росла трава и цвѣли фруктовые деревья, — онъ, рубя снѣжные завалы на подоблачной высотѣ — занялъ и прошелъ знаменитый Топоризскій перевалъ, а спустившись въ дикую, плѣнительную своею первобытностью, травами и родниками, долину Аббага — разметалъ курдовъ. 23-го апрѣля у с. Саукъ-су (холодная вода) впервые одна сотня полка (3-я, Подъесаула Маневскаго) была брошена въ конную атаку на курдовъ. Последніе ее не приняли и разсѣялись въ горныхъ скважинахъ. Продвигаясь вглубь Турецкой Арменіи — полкъ прошелъ 20-ти верстное Бегри-Калинское ущелье и 6-го мая 1915 года занялъ городъ Ванъ. На перерѣзъ войскамъ Халиль-бей, разбитымъ и отступавшимъ отъ г. Сарая — полкъ былъ брошенъ далѣе на югъ. 17-го мая у с. Косрикъ, столкнувшись съ правою колонною Халиль-бейскихъ войскъ — полкъ велъ упорный дневной бой съ ними и къ ночи занялъ село.

Въ іюнѣ полкъ достигъ горныхъ краевъ у с. Сикунисъ, гдѣ уже начинался районъ православныхъ айсоровъ и сильнымъ разъѣздомъ въ 30 коней хорунжаго Елисѣева — достигъ Акъ-Булаха («бѣлый родникъ») — истока 2-ой библейской рѣки — Тигра и въ кристальной чистотѣ его истока — напоилъ своихъ коней.

Ушедшій изъ-подъ Сарая, Халиль-бей сосредоточилъ свои силы у Битлиса и рѣзкимъ кулакомъ ударилъ въ направленіи на Кара-Килису («черная церковь»), что въ Алашкертской долинѣ, занялъ ее и своими разъѣздами достигнулъ даже русской государственной границы и полкъ, очищая лѣвый флангъ русскаго расположенія — вновь отошелъ къ Баязету по старымъ своимъ побѣдоноснымъ маршрутамъ. Видя успѣхъ — въ глубокомъ тылу, на склонахъ Большаго Арабата, зашевелились неутомимые кочевники - курды. Для усмиренія — туда были брошены двѣ сотни полка (3 и 6-я). 23-го августа, на склонахъ Большаго Арабата, у с. Шейхъ-Али, 3-я сотня попала въ засаду и понесла замѣтный уронъ: смертельно раненъ Командиръ сотни, Подесаулъ Лытиковъ и убитъ вахм. сотни, знаменитый джигитъ, Подхорунжій И. М. Дубина. Съ цѣлымъ десяткомъ раненыхъ казаковъ сотня спустилась внизъ. Въ слѣдующіе дни — курды были покараны жестоко.

Вновь продвигаясь въ Алашкертскую долину и съ сосредоточенными русскими войсками — полкъ отбѣснилъ турокъ къ озеру Ванъ, занявъ г. Мелязгертъ, а 2 сотни, обогнувъ озеро съ востока — вторично вошли въ г. Ванъ. Цвѣтушій богатствомъ, зеленью и многонаселенностью — городъ Ванъ былъ почти полностью разрушенъ ужъ теперь. Вначалѣ армяне сожгли всю турецкую половину города, а турки, занявъ его вновь — сожгли потомъ армянскую часть и отъ поистинѣ прекраснаго райскаго города — остались одни обуглившіеся развалины...

КАВКАЗСКИЙ ФРОНТ
Боевое движение 1-го Кавказского Пола
Кав. Кав. Войска
1914-1917
Масштаб
[20:1]

Вновь раскинув сотни на десятки верст — штаб полка с 2-мя сотнями с августа по декабрь 1915 года оставался в селѣ Санжанъ. Вѣ этомъ селѣ и появлялась впервые Кубанская плачь-молитва — «Ты, Кубань, Ты наша Родина», ставшая впоследствии Войсковымъ гимномъ. Здѣсь бригада, со влитіемъ въ нее третьеочередныхъ полковъ — Линейнаго, Екатеринодарскаго и 6-й Кубанской Казачьей батареи — развернулась въ 5-ю Кавказскую Казачью дивизию.

Истрепанный и надорванный боями и походами — полкъ былъ оттянутъ черезъ Кагызманъ и Карсъ въ молоканское село Романовку въ послѣднихъ чис-

Группа г.г. офицеровъ и казаковъ 3-й и 5-й сотенъ 1-го Кавказскаго полка въ Турціи, въ с. Санжанъ, въ 1915 г., въ день Войскового праздника. Вѣ черескахъ слѣва на право: Есаулъ Успенскій (братъ умершаго Войскового Атамана), Хорунжій Елисѣевъ, Сотникъ Дьячевскій (умеръ въ Соловахъ) и Корнетъ Чумаковъ.† (Снимокъ найденъ во французскомъ журналѣ за 1915 годъ).

лахъ декабря мѣсяца 1915 года, но простоявъ всего нѣсколько дней — былъ спѣшно переброшенъ черезъ г. Ольты опять въ Турцію, въ г. Идъ и вошелъ въ составъ своего 2-го Турестанскаго корпуса.

Послѣ взятія форта Тюбекъ, запиравшаго выходъ въ Эрзерумскую долину — полкъ обходною конною колоною (Закаспійская и Сибирская казачьи бригады) спобствовалъ взятію крѣпости Эрзерумъ, апвшаго 4-го февраля 1916 года. Не заходя въ Эрзерумъ — полкъ рывками прошелъ до г. Мема-Хатумъ, недоходя котораго, конною атакою въ одинъ конъ у с. Тузла, отрѣзалъ отступающую колону турокъ и плѣнилъ ее съ 2-мя орудіями. За эту атаку, командиръ головной 1-й сотни подѣсаулъ Алферовъ, казакъ станицы Урупской, былъ награжденъ офицерскимъ Георгіевскимъ крестомъ.

Изъ Мема-Хатума полкъ былъ оттянутъ на заслуженный отдыхъ къ Сары-Камышу, куда и прибылъ къ маю мѣсяцу. Дальнѣйшее наступленіе русскихъ войскъ въ глубь Турціи вызвали на фронтъ вновь Кавказцевъ, и онъ подошелъ къ Эрзеруму. Здѣсь къ нему прибылъ новый командиръ полка, знаменитый Полковникъ Эль-Мурза Асламбековичъ Мистуловъ, казакъ изъ осетинъ - мусульманъ Терскаго Войска, который, слѣзая съ сѣдла только на ночь — конными бросками-атаками, вторично занялъ Мема-Хатумъ 28-го іюня и пересѣкши рядъ горныхъ кражей и долинъ — 10-го іюля занялъ узловую центръ шоссеиныхъ дорогъ — Ханъ-Дараси. Спустившись къ югу и соединившись вновь съ безумно - доблестной и неутомимой бригадой Сибирскихъ казаковъ — перерѣзалъ шоссе Эрзинджанъ - Сивасъ и 17-го іюля 1916 года занялъ г. Эрзинджанъ. 2 сотни полка (1-я и 4-я), брошенные на западъ — заняли небольшой городокъ Кемахъ, что въ 60 верстахъ отъ Эрзинджана. Это былъ послѣдній и самый дальній пунктъ, гдѣ были русскія войска въ Турціи. Весь августъ и часть сентября полкъ простоялъ возлѣ Эрзерума, смогшій выдѣлить только 2 сборныхъ сотни на мало-мальски приличныхъ лошадахъ на югъ, въ село Киги и къ октябрю мѣсяцу, полкъ въ полномъ своемъ истошении и надорванности конскимъ составомъ — обезсиленный и обтрепанный — оттянутъ былъ вновь къ Карсу, расквартировавшись по молоканскимъ селамъ, имѣя штабъ полка съ 4-мя сотнями въ с. Влади-Карсъ. Здѣсь его и застала революція. Доблестный Мистуловъ за нѣсколько мѣсяцевъ привелъ полкъ въ блестящій и омоложенный видъ и, получивъ высшее назначеніе — выѣхалъ на Западный фронтъ.

Полкъ вр. принялъ его помощникъ — Войсковой Старшина, Калугинъ. Революционное начало пѣхотныхъ частей въ Сары-Камышѣ «ударил» полкъ по его основъ: солдатами былъ арестованъ самъ Командующій полкомъ, 3 командира сотни и 3 младшихъ офицера. Казаки, въ своей робкой безпомощности передъ разбушевавшейся солдатской стихіей — не отстояли своихъ офицеровъ... Неискушенные въ политикѣ — они были словно дѣти среди моря волнъ, въ своей маленькой полковой казачьей ладѣ.. и вихрь разрушенія, налетѣвъ на нихъ шкваломъ — поколебалъ и ихъ... Присяга Вр. Правительству предъ полковымъ штандартомъ — уже ни говорила ни сердцу ни уму каждому изъ нихъ... Полкъ раскисалъ...

Въ первыхъ числахъ мая 1917 года вся дивизія неожиданно была переброшена въ Финляндію, совершивъ отъ Царицына до Рыбинска водный путь по Волгѣ. Въ іюнѣ полкъ былъ подѣ Двинскомъ, но не противъ нѣмцевъ, а разоружалъ свои же большевизанствующие пѣхотные полки, и въ іюлѣ — вновь вошелъ въ Финляндію. Волна развала арміи катилась и катилась и 21-го декабря 1917 года полкъ первымъ своимъ эшелonomъ прибылъ на

Кубань, въ родные края, закончивъ свой долгій и, какъ оказалось, ненужный путь войны...

Трубачъ 2-й сотни урядникъ Ильинъ, передъ строемъ 20-ти казаковъ, выстроенныхъ верхами противъ церкви на площади станицы Кавказской, скучно и одиноко протрубилъ «подъ - штандарты». Командиръ 2-й сотни грустно и одиноко внесъ свою полковую святыню, своей Георгіевскій штандартъ въ станичную церковь, прикрѣпилъ его у пѣвческаго клироса, и склонился передъ нимъ въ послѣдній разъ... Скучно и одиноко, съ пустою въ душѣ, разѣѣхались казаки по своимъ станицамъ... Что будетъ дальше — никто, конечно, тогда толкомъ ничего и не зналъ.

25-го февраля въ Кавказскомъ полковомъ округѣ укрѣпилась власть совѣтовъ и полку приказано демобилизоваться и сдать оружіе. Уже отрезвленные анархіей въ станицахъ — казаки не расходились и на грозный ультиматумъ отдѣльнаго комиссара Одарюка — «сдать оружіе и разойтись» — 19-го марта возстали противъ красной власти, но 23-го марта были уже разбиты и въ жуткой растерянности — сдались и сложили оружіе. Главныхъ зачинщиковъ изъ видныхъ стариковъ станицы Кавказской — красные въ тотъ же день разстрѣляли...

Въ этотъ день, 23-го марта 1919 года, фактически прекратилось вѣковое существованіе полка, начавшееся 14-го октября 1803 года. Но... исторія такъ рѣзко не кончается. Мобилизованные краснымъ командованіемъ пять присягъ молодыхъ казаковъ, не желая драться противъ своихъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1918 года, ночью оставили лагерь на р. Челбасы и степями пробились въ Донскую область, гдѣ крѣпилась Русская добровольческая армія и Кубанскій Войсковой центръ со своими полками. Изъ этихъ казаковъ тамъ же и сразу же былъ составленъ 1-й Кавказскій полкъ, который, черезъ Ставрополь, Сальскія и Астраханскія степи, въ дивизіи историческаго Бабіева, дошелъ до Царицына, участвовалъ во взятіи его и переброшенный на паромахъ за Волгу, въ направленіи къ Уральскому Войску — лилъ кровь и тамъ въ степныхъ бурунахъ... Рѣки крови и слезъ Казачьяго народа за освобожденіе поруганной страны Великой — не оправдали ихъ надеждъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1920 года, Кавказская бригада (1-й и 2-й полки) со всею Кубанскою Армією, испила полностью и до дна трагедію родного Войска: Тщетно казаки ждали пароходовъ изъ Крыма, вглядываясь въ синеву морской дали... Ихъ они такъ и не дождались и оба полка, со всѣмъ офицерскимъ составомъ, въ рядахъ мученически зародившейся молодой Кубанской Казачьей Арміи — капитулировали передъ красными... А ихъ полковой штандартъ, полученный 13-го октября 1878 года за взятіе Девебойненской позиціи у крѣпости Эрзерумъ въ 1877 году — еще 3-го марта у окраины станицы Пашковской, слѣдуя съ обозомъ — былъ выхваченъ на-

тѣвшей конницей красныхъ и съ кошуновенной руганью — брошенъ въ капаву...

Кавказскій полкъ вышелъ изъ Екатеринославскаго Казачьяго Войска, сформировавшись на Слободской Украинѣ въ 1788 году для войны противъ турокъ, но 5-го июня 1796 года Екатеринославское Войско было уже упразднено. Казаки, не пожелавшіе стать крестьянами, подали прошеніе въ государственный сенатъ о сохраненіи за собою своего Казачьяго положенія и съ переселеніемъ ихъ на Кубань. Главою этого движенія былъ казакъ Козьма Рудовъ. 16-го октября 1801 года Императоръ Александръ I-й утвердилъ это ходатайство и осенью 1802 года полкъ на собственный счетъ, съ пожитками и семьями переселился на Кубань, раскинувшись по рѣкѣ между Черноморскимъ Войскомъ и Кубанскимъ полкомъ, образовавъ собою 4 станицы возлѣ уже существовавшихъ тамъ редутовъ, поселившись:

у Ладужской	232 семьи
у Тифлисской	181 »
у Казанской	223 »
у Темиузбекской	226 »

а всего 3.277 душъ м. пола,

назвавъ свои станицы этими же именами и образовавъ собою пяти-сотенный конный полкъ — «Кавказскій». Годныхъ къ службѣ оказалось 1.106 казаковъ, престарѣлыхъ — 586 и малолѣтнихъ — 1.505. Въ 1804 году изъ Харьковской губерніи было переселено еще 311 душъ м. п. и поселили Воронежскую станицу. Она выставила отъ себя 5 сотню, т.-е. каждая станица выставила отъ себя конную сотню казаковъ.

14-го октября 1803 года, инспекторъ Кавказской кавалеріи, генералъ - лейтенантъ Шепелевъ донесъ Командующему войсками въ Грузіи, князю Цицианову, что Кавказскій полкъ принялъ свое формальное существованіе и, по своему казачьему обыкновению, въ его присутствіи, выбралъ среди себя офицеровъ. Первымъ командиромъ полка былъ избранъ старикъ есаулъ Гречишкинъ. Въ каждой сотнѣ были избраны: одинъ сотникъ, два квартирмистра и два хорунжихъ. Каждый казакъ долженъ былъ имѣть: 2 лошади (верховую и вьючную), ружье, пику, пистолетъ и шашку. За порохомъ и свинцомъ немедленно были командированы приѣмщики въ крѣпость Георгіевскъ (Терск. обл.). Штабъ-квартира полка помѣстилась въ станицѣ Тифлисской. Есаулъ Гречишкинъ былъ старикъ и совершенно неграмотный, почему, несмотря на его заслуги и авторитетъ, въ скоромъ времени его замѣнилъ уже по назначенію — Волгскаго Войска Войсковой Старшина Усковъ и еще были присланы старшины изъ Хоперскаго и Кубанскаго полковъ, уже давно укоренившихся на этой линіи. Гречишкинъ былъ назначенъ полковымъ Есауломъ.

Когда проведена была желѣзно - дорожная линія Новороссійскъ — Кавказская — благодарное потом-

ство Кавказцевъ увѣковѣчило память своего перваго Командира Есаула Гречишкина, назвавъ желѣзнодорожную станцію у станицы Тифлисской — «Гречишкино».

Съ этого года и началась новая боевая эра казакѣвъ Кавказскаго полковаго округа, полна лишеній и невзгодъ безъ конца сдвбтиваемыхъ кровью и слезами... Достаточно сказать, что станицы раскинулись у самой Кубани, на ея правомъ берегу, служащей границей между ними и воинственными горами и были обнесены валомъ, и имѣли выходныя ворота, которыя на ночь запирались и население выѣзжало въ степь на работу одновременно, ночевать тамъ не могло, такъ какъ рыскающіе черкосы забирали все въ плѣнъ и даже ночеуя въ станицахъ — повозками забаррикадировали главную улицу у воротъ, на случай прорыва черкесовъ черезъ нихъ. Вся жизнь складывалась на манеръ военнаго поселенія, подчинено строевому начальству и когда даже выѣздъ въ поле иль за водою на Кубань — дѣлался по сигнальной трубѣ и порою — подъ эскортомъ конныхъ казаковъ. А о томъ, что казакъ работалъ въ полѣ иль въ своемъ виноградникѣ, имѣя заряженную берданку подъ рукою — такъ это было естественное явленіе!..

Въ этихъ станицахъ до сихъ поръ есть казаки, своимъ внѣшнимъ видомъ похожіе на черкесовъ. Это все результатъ долгаго нахожденія въ плѣну у нихъ, гдѣ казакъ изъ плѣнника постепенно превращался въ мѣстнаго жителя аула, женившись потомъ на черкешенкѣ и когда было полное съ ними замиреніе — вдругъ возвращался домой, да еще съ цѣлымъ семействомъ очеркешенныхъ казачатъ отъ черкешенки матери и котораго въ станицѣ давнѣе уже считали погибшимъ.

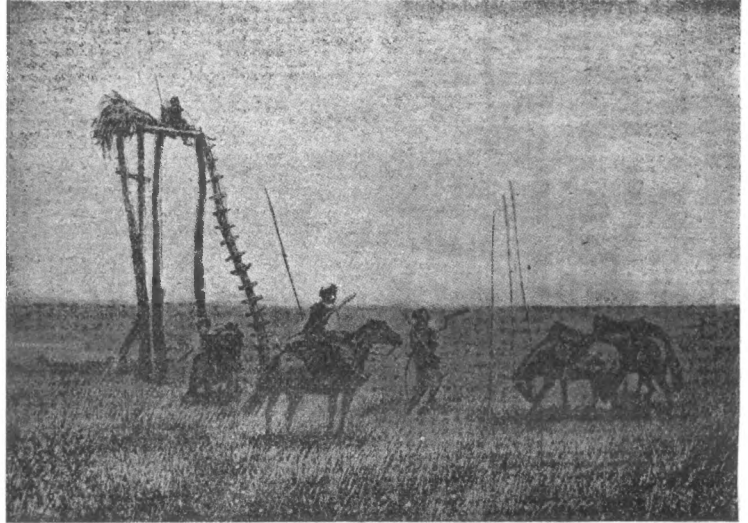
Въ борьбѣ съ черкесами — кровь, разореніе жилищъ, поджегъ имущества, угонъ скота, увозъ полезныхъ плѣнныхъ — былъ узаконеннымъ финаломъ набѣговъ съ обѣихъ сторонъ. Пощады, милосердія — не было. Сотникъ Гречишкинъ, съ 50 тью казаками, выброшенный на развѣдку къ Зеленчуку въ 1829-омъ году и, попавши въ засаду къ своему же кунаку (пріятелю) Джембулату Айтекову — былъ полностью имъ уничтоженъ, да такъ что въ изрубленныхъ тѣлахъ нельзя было никого опознать, почему ихъ и похоронили въ общей могилѣ, сложивъ вмѣстѣ отрубленные головы, руки, ноги...

То — они встрѣтились — въ бою. — Таковъ законъ борьбы тогдашней — быть или не быть. А плѣнъ — позоръ и рабство.

Кромѣ порубежной войны съ горами полкъ, въ полномъ своемъ составѣ участвовалъ въ экспедиціи въ 1809 году на Большой Зеленчукъ и въ 1810 г. — на Курджипсѣ, что за г. Майкопомъ и самое дѣятельное участіе принялъ при покореніи Западнаго Кавказа.

Въ 1813 году изъ пяти-сотеннаго, полкъ развернулся въ восьмисотенный.

Въ 1816 году станція Усть-Лабинская была изъ

Запорожская сторожевая вышка въ степи. (Прототипъ Кубанской вышки временъ Кавк. войны съ горами).

Кубанскаго (донскіе казаки) перечислена въ Кавказскій полкъ, а Темѣжбекская — въ Кубанскій.

Въ 1831 году была введена форма одежды по образцу черкесской.

Въ 1832 году всѣ полки Кавказской линіи сведены были въ Кавказское линейное Казачье Войско, куда вошли и Кавказцы.

Начиная съ 1794 года, подъ оплотомъ заселенія Кавказской линіи казачьими станицами — съвернѣ ихъ, прельщаемые вольными землями, селились мелкія крестьянскія села, которыя, разросшись, — въ 1833 году, для усиленія казачьихъ полковъ, были обращены въ станицы и переведены на казачье положеніе. Въ наше время бывшихъ крестьянъ не узнать. За 75 лѣтъ они настолько ассимилировались, что наѣзтники изъ нихъ выходили сплошь и рядомъ, и казачій край для нихъ сталъ также дорогъ, какъ и всѣмъ. Они въ немъ обрѣли свою новую родину — казачью отчизну.

Въ послѣдніе годы существованія полка — его комплектовали станицы, составляя Кавказскій полковой округъ: Тифлисская, Казанская, Кавказская, Темѣжбекская, Расшеватская, Дмитріевская, Ильинская,

Успенская, Новолокинская, Новопокровская, Терновская, Тихорѣцкая, Архангельская, Ново-Хоперская, Ново-Алексѣевская.

Окружная (и отдѣльская) станица была Кавказская, гдѣ расквартированы были — управление отдѣла и штабы льготныхъ полковъ и баталіоновъ, и былъ военный арсеналъ въ крѣпости времянь Суворова. Кавказская поселена одна изъ первыхъ станицъ на Кубани въ 1792 г., донскими казаками — старовѣрами и возлѣ которой произошли событія — бунтъ 3-хъ Донскихъ полковъ, не желавшихъ послѣ службы селиться на новыхъ мѣстахъ. Ихъ все же поселили.

Въ 1845 году полкъ, развернувшись, составилъ первую бригаду (1-й и 2-й Кавказскіе полки) Кавказскаго линейнаго казачьяго Войска. Въ 1861 г., 6 бригадъ Линейнаго войска — въ порядкѣ номеровъ — Кавказская, Лабинская, Урупская, Кубанская, Ставропольская и Хоперская — были соединены съ Черноморскимъ казачьимъ Войскомъ и образовали единое Кубанское Казачье Войско. Ввиду новаго войскового формировація, Кавказскій полкъ былъ названъ «11-ый» конный полкъ Кубанскаго казачьяго Войска, такъ какъ Черноморское Войско имѣло полки нумерные, числомъ 10-ть, и онъ какъ ближайшій, зачисленъ одиннадцатымъ.

Въ 1870 году, вновь ввиду новаго Войскового переформировація, онъ названъ былъ «Кавказскимъ».

Въ 1882 году, какъ и всѣ полки Войска — Кавказскій полкъ составилъ 3 очереди.

Въ 1894 году по новому Положенію въ Войскѣ, названъ «1-мъ Кавказскимъ».

Въ 1910 году полкъ получилъ шефство и сталъ называться: «1-й Кавказскій Намѣстника Екатеринославскаго, Генералъ - Фельдмаршала Князя Потемкина-Таврическаго полкъ Кубанскаго Казачьяго Войска».

Полкъ имѣлъ награды:

1. Георгіевскій полковой штандартъ — за отличія въ Турецкую войну и въ дѣлахъ противъ горцевъ 1828—29 г.г. и при покореніи Западнаго Кавказа въ 1864-мъ году и за отличія при взятіи Деве-Бойну (Фортъ у крѣпости Эрзерума) 23-го октября 1877 года.

Штандартъ пожалованъ 13-го октября 1878 года.

2. 12-ть Георгіевскихъ серебрянныхъ трубъ — «за отличія въ Турецкую войну 1877-78 г.г.»

Трубы пожалованы вмѣстѣ со штандартомъ 13 октября 1878 года.

3. Знаки отличія на папахъ первой полусотнѣ 1-ой сотни съ надписью «за отличія въ 1854 г.»

Пожалованы 30-го августа 1856 года.

4. Знаки отличія на папахъ остальнымъ сотнямъ, съ надписью «за отличія при покореніи Западнаго Кавказа въ 1864 году».

Пожалованы 20-го іюля 1865 года.

5. Бѣлая тесьма на воротники парадныхъ бешметовъ и рукава черкесокъ.

Пожаловано 6-го декабря 1908 года.

Но, — все это осталось «тамъ»...

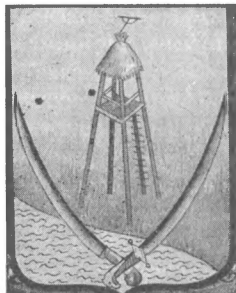
Время идетъ. Исторія всегда имѣетъ свою непрерываемую цѣпь событій. И оно готовитъ новую эру въ жизни Казачества, въ которой, въ новыхъ фазисахъ и въ новыхъ техническихъ вариантахъ возродится вновь Кавказскій полкъ нашего родного Кубанскаго Казачьяго Войска. Надо только работать и быть всегда готовымъ къ событіямъ — всегда готовымъ!.

Полковникъ Елисѣевъ.

Гдѣ чортъ не сможетъ — туда казака пошлетъ.

ПОДВИГИ ДѢДОВЪ

... «Воно хочь, бачиш, і не гарне,
Як кажуть то нелегулярне
Та до війны, самый злий гад».

Котляревскій.

Былъ я уже юношей, когда между моей станицей и Староминской, на только что построенной желѣзной дорогѣ, желѣзнодорожный разъѣздъ былъ названъ «Сотникъ Горбатко»; и вотъ тогда воскресли въ памяти рассказы дѣда о борьбѣ съ черкесами. Самъ дѣдъ участвовалъ въ этой борьбѣ, имѣлъ Георгіевскій крестъ, никогда не болѣлъ, умеръ глубокимъ, но еще крѣпкимъ старикомъ. Онъ былъ настоящимъ пластуномъ: неподражательно вылъ по волчь, плѣлъ по пѣтушину; въ мѣстныхъ плавняхъ зналъ всѣ «манівці» (дорожки), никогда съ охоты, или рыбной ловли не возвращался съ пустыми руками. До самой смерти самъ себѣ «морщилъ» (дѣлалъ) постолы и послѣдніе годы жизни посвятилъ рыболовству.

При его разсказахъ о борьбѣ съ черкесами болѣзненно сжималось дѣтское сердце, хотя его разсказы часто служили и «деспозиціей» для устройства «игры въ черкесовъ».

— Прозоря, що жеве на солоні, — говорилъ дѣдъ спокойнымъ голосомъ, — Вівчарь, що на Берегові улиці, Волошинъ, що на новіхъ планахъ...» — и такъ далѣе, перечисляя всѣхъ станичниковъ, павшихъ на постахъ по рѣкѣ Кубани. Говорилъ онъ и о казакахъ другихъ станицъ и никогда, конечно, не забывалъ упомянуть о геройской смерти начальника пластуновъ сотника Горбатко и его жены Марины. *)

— Усі погинули, якъ настоящі козаки, а басурманамъ ни здались, — заканчивалъ обычно свой разсказъ дѣдъ.

*) На самомъ дѣлѣ она была Марывна, что установлено документально.

Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда русское правительство напрягало всѣ усилія къ укрѣпленію своего владычества, главнымъ образомъ, на берегахъ Чернаго моря, старалось использовать прекрасный боевой матеріалъ, какими были казаки. Осуществленію этого плана, т.-е. закрѣплению юга за Россіей, весьма въ чувствительной мѣрѣ мѣшали горскія племена, населявшія Закубанье. Эти гордые и отважные рыцари никакъ не хотѣли поступиться своей землей, признать надъ собой власть «гяуровъ», но подъ конецъ, какъ всѣмъ извѣстно, они покорились Россійскому правительству.

На долю Кубанскаго казачества въ борьбѣ Россіи съ горцами выпала исключительная задача, и казаки выполнили ее блестяще, въ силу своей врожденной храбрости, а также въ силу жившей еще Запорожской идеи: — борьба съ басурманами, а горцы, какъ магометане, были для казаковъ басурмане, или просто «нивіра».

Вся Кубань представляла тогда изъ себя область, находящуюся на военномъ положеніи. Въ любую минуту все мужское населеніе, свободное отъ кордонной службы, могло быть призвано подъ ружье. Такое положеніе по тому времени было почти нормальнымъ, хотя долготѣнія боевая жизнь казачества отразилась впоследствии на его экономической жизни. Оно было въ хвостѣ тѣхъ, кто во время самой борьбы торговалъ или «майстровалъ».

Кубанское казачество несло тяжесть борьбы на своихъ плечахъ одно, такъ какъ въ тѣ годы процентъ неказачьяго населенія едва доходилъ до 5, да и тѣ были: либо ремесленники, либо торговцы. *)

Ясно, что черкесы, жившіе съ казаками въ теченіи полулѣта довольно мирно, не могли простить имъ активнаго, а можетъ быть и главнаго участія въ борьбѣ по завоеванію Закубанья.

Борьба-борьба, а жизнь потребовала своего. За спиной кордоновъ и пикетовъ протекала, въ относительно спокойныхъ условіяхъ, жизнь Кубани, жизнь отцовъ, матерей, женъ и дѣтей, зорко охраняемая казаками, не допускавшими горцевъ дѣлать набѣги на станицы.

Почти какъ правило — сторожевую службу несли пластуны, ибо другимъ врядъ ли былъ бы подъ силу справиться съ такими смѣлыми и отважными воинами, какими были черкесы. Пластунъ тогда и пластунъ теперь — два совершенно разныхъ поня-

*) Тогда, по свидѣтельству И. Попко, по Кубани много ходило «Коробейниковъ».

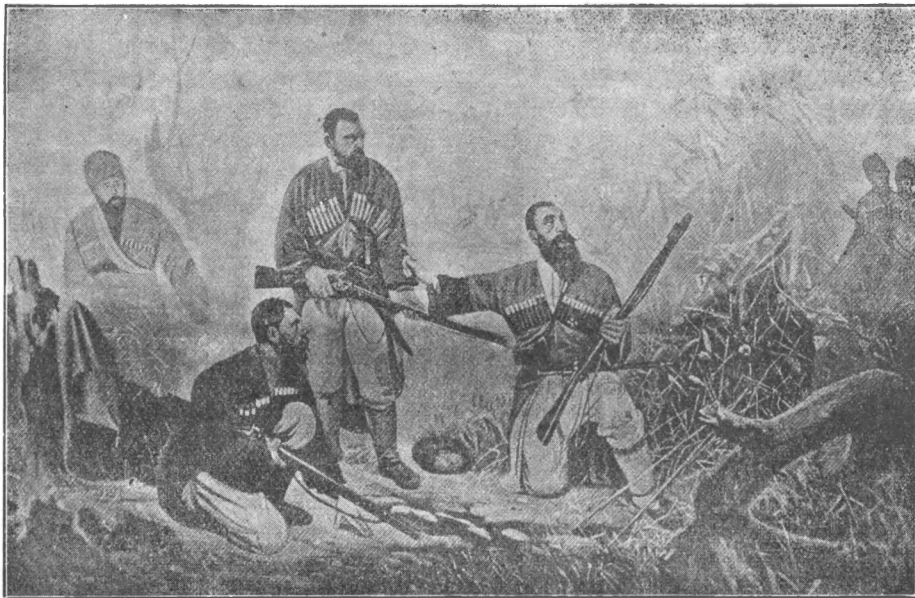
См. Ист. Черном. Войска И. Попко.

Учи казачьяго сына на коня садиться, да съ татарами биться!..

тія. Пластунъ теперь — пѣшій казакъ, надъ которымъ вѣчно (правда, не зло) подтруниваютъ. Пластунъ тогда — это не только пѣшій казакъ, но это казакъ, одаренный всѣми качествами идеальнаго развѣдчика - лазутчика. У него было настолько хорошее развитіе зрѣнія, что ночью онъ видѣлъ на далекое разстояніе, стрѣлять безъ промаха не только днемъ, но и ночью по шуму — «на хрусть». Пластунскія команды были какъ при пѣшихъ, такъ и конныхъ частяхъ. И. Полка въ своей исторіи Черноморскаго Войска говоритъ, что не было правилъ или признаковъ, по которымъ бы зачисляли въ пла-

Такая слава укрѣпилась за пластунами неспроста. Пластуны - лазутчики очень часто за 10-15 верстъ отъ поста уже открывали горцевъ, собравшихся въ набѣгъ на станицу. Въ такихъ случаяхъ подымалась своеобразная тревога. Обычно пластуны были по волчьей «на всѣ лады» и этимъ воємъ выражали цѣлое донесеніе съ такой точностью, что только вполне грамотный человѣкъ могъ бы такъ подробно изложить обстановку на бумагѣ.

Дерзость пластуновъ, стоявшихъ на постахъ, была изумительной. Это была и настоящая дерзость. Сами горцы рассказывали такой случай.*)

Залога пластуновъ.

стуны, а сами пластуны выбирали казаковъ для пополненія своихъ командъ и никогда при выборахъ не ошибались. Вотъ такимъ смѣлымъ и отважнымъ воинамъ была ввѣрена защита Кубани отъ набѣговъ горцевъ.

Часто и весьма часто съ кордоновъ привозили въ станицы убитыхъ казаковъ, но были случаи и гибели цѣлыхъ постовъ.

Постъ... фортеція... кромкія названія, на самомъ же дѣлѣ посты, при весьма бѣдныхъ техническихъ возможностяхъ того времени, представляли плачевный видъ. Они могли бы быть сооружены гораздо прочнѣе «безъ техники», если бы тѣ, кому надлежало смотрѣть за оборудованіемъ постовъ, на самомъ же дѣлѣ смотрѣли, а то вся надежда была на живую силу, — на пластуновъ, стоявшихъ на этихъ постахъ.

— Пластуны все могутъ, всегда могутъ отразить черкесовъ, сколько бы ихъ не было — такъ думали всѣ, такъ говорили всѣ.

Однажды пластуны пробрались довольно далеко въ горы, къ самымъ ауламъ и украли корову. Горцы немедленно были увѣдомлены пастухомъ, организовали погоню, но погоня не дала результатовъ. Пластуны, точно сквозь землю провалились. Было предположеніе, что они убили корову и, бросивъ въ лѣсу, сами спрятались. Но каково же было удивленіе горцевъ, когда на другой день на посту, на высокомъ шестѣ, красовалась коровья голова и кожа для показа горцамъ...

Въ 1862 году погибъ цѣликомъ Липкинскій постъ, состоявшій изъ 34-хъ пластуновъ, подъ командой сотника Горбатко. На посту проживала и его жена Марьяна, раздѣлившая участь своего мужа и его доблестныхъ сподвижниковъ. Названный постъ, по своему стратегическому положенію, служилъ весьма серьезнымъ препятствіемъ, мѣшавшимъ

*) См. Вишневецкій. Сот. Горбатко и его сподвижники.

горцамъ проникать въ станицы для набѣговъ. «Гарнизонъ» поста зналъ это прекрасно и понималъ, что въ одинъ прекрасный день горцы могутъ обрушиться на постъ такой массой, что никакая стойкость и отвага имъ не помогутъ. Знали и ждали... Ждали всегда. Всегда были готовы. Какъ часто бываетъ, что люди чувствуютъ приближеніе смерти, иногда съ поразительной точностью... и бодрствуютъ, готовятся встрѣтить ту, которая уноситъ человѣка туда, въ тотъ лучший міръ — гдѣ нѣтъ «ни болѣзни ни воздыханія»...

На Липкинскомъ посту приближеніе смерти ощущалось всѣми, начиная съ начальника поста и его жены. За нѣсколько дней до трагической гибели, начальникъ поста сразу какъ то замѣтилъ непригодность укрѣпленія къ серьезному сопротивленію, замѣтилъ то, чего какъ то раньше не замѣчалъ.

Кубанскія плавни.

Своими переживаниями и страшными снами, которые видѣлъ въ послѣднее время онъ подѣлился съ однимъ пластуническимъ офицеромъ, бывшимъ проездомъ на Липкинскомъ посту за нѣсколько часовъ до штурма его горцами.

Пластуны поста какъ то особенно явственно чувствовали приближеніе развязки. Извѣстно, что пластуны тѣхъ временъ имѣли свои, ни кѣмъ не спрашиваемыя, правила, свои преданія, свои повѣрья и, такъ называемое, характерство: заговоръ отъ пули, или обоя горячаго коня, отъ укушенія змѣи; наговоръ на ружье и капканъ, «замовленье» крови, текущей изъ раны и проч. Обычно всѣ заклинанія начинались словами: «Я стану шиптати, ти жъ, Боже, рятувати.»*)

Помню, въ дѣтствѣ не разъ пришлось присутствовать, когда дѣдушка шепталъ отъ вывиха, будь это человѣкъ или лошадь, — молитву онъ начиналъ такъ:

«Іхав Ісус Христос, через калиновий міст.

Міст стряхнувся, кінъ спіткнувся,

Сустав з устава звихнувся» и т. д....

Можетъ быть это «характерство» и было причиной того, что на посту пластуны особенно какъ то

готовились къ защитѣ, хотя ничто и не предвѣщало скорого набѣга горцевъ.

... Кто штыкъ точилъ, ворча, сердито,

Кусая длинный усть...

Такъ было и на Липкинскомъ посту.

Войсковой старшина Вишневскій, такъ описываетъ послѣдніе часы пластуновъ поста:

«Одинъ пластунъ, передѣлавши старые тогдашніе патроны съ бумажными гильзами, несъ ихъ и говорилъ: «нихай тепер ідутъ бісові голомшивці, буду частувать їх горошкомъ». На эти слова другой отвѣтилъ: «що ти хвастаєся патронами! Я три дні гострю штыкъ камінцемъ і такъ зробывъ, якъ шило гостре. Ось — подивись! Нихай голомшивці тільки прийдуть, буде чим їх тикать». Слышенъ голосъ третьяго: «Надівайте, хлопці, чисті білі сорочки як і я надів». На эти слова возразилъ одинъ изъ пла-

стуновъ, находившійся въ балаганчикѣ: «на що сьогодні одягати білі сорочки? Хіба сьогодні свята чи що?» На всѣ эти разсужденія сдѣлалъ замѣчаніе старый казакъ, Георгіевскій кавалеръ, атлетическаго роста, съ длинною бородою и вообще довольно суроваго вида: «Та на що ви їх накликаєте! отъ гостей захотіли, як прийдуть ни раді будете» и при этихъ словахъ онъ что то сострилъ, что мы всѣ расхохотались».

Приготовленія оказались не напрасны... Предчувствія оправдались полностью...

Группа горцевъ, довольно внушительной численности, а именно: около 3.000 человѣкъ, двинулась въ набѣгъ на казачьи станицы, но, какъ я говорилъ выше, Липкинскій постъ имѣлъ большое стратегическое значеніе, что понимали и горцы, — то ясно, что не избавившись отъ столь серьезной помѣхи нельзя было и думать о набѣгѣ на станицы, такимъ большимъ отрядомъ; и вотъ тотъ отрядъ въ три тысячи человѣкъ, точно разбушевавшееся море, колонна за колонной, ринулись на слабо укрѣпленный Липкинскій постъ съ горсточкой храбрецовъ, заставшихъ въ немъ.

Сколько времени шелъ бой? Долго ли защищались пластуны и защищались ли вообще, такъ какъ численно горцы, во много разъ превышая пла-

*) И. Папко. Исторія Черномор. Войска.

стуновъ, могли просто задавить ихъ массою своею, рѣшивъ дѣло въ 5 минутъ. Изъ гарнизона поста никто не уцѣлѣлъ, собранныя же свѣдѣнія путемъ «опросовъ и распросовъ» также ничего опредѣленнаго не говорили. Ясно было одно, что погибли всѣ, ну, а и всѣ знаютъ, что пластуны отдавать жизнь дешево не любятъ.

Представить картину (приблизительно, конечно) штурма Липкинского поста удалось нѣсколько лѣтъ спустя, когда горцы переселялись въ Турцію. Несмотря на такое численное превосходство, взять тынъ (заборъ), окружавшій постъ, горцамъ удалось только послѣ третьяго натиска, когда они, озлобленные стойкостью пластуновъ, ихъ мѣткой стрѣльбой, причинявшей горцамъ большой уронъ, навалились на тинъ и онъ подъ тяжестью живой массы — рухнулъ. Но съ паденіемъ препятствія постъ еще не былъ ликвидированъ. Завязалась рукопашная схватка, въ которой, по свидѣтельству горцевъ палъ и самъ Горбатко; жена же его, Марьяна, защищая трупъ своего мужа, убила одного горца, другого смертельно ранила штыкомъ. Ни штурмъ, ни рукопашная схватка все же не дали окончательной побѣды горцамъ. Часть пластуновъ, не болѣе 10 человекъ, заперлась въ казармѣ поста и продолжала бить горцевъ, къ тому же безъ промаха. Отвага и упорство пластуновъ заставила горцевъ вступить въ переговоры, предлагая находящимся въ казармѣ сдаться. Но о сдачѣ пластуны и слышать не хотѣли; единственно на что они были согласны, это — чтобы горцы ушли во свояси и давши слово не стрѣлять имъ въ спину. На такой постыдный отходъ гордые горцы не согласились. Они, ожесточенные до крайности, обложили казарму хворостомъ и подожгли... И послѣдніе храбрые защитники поста — «сгорѣли — но не сдались»...

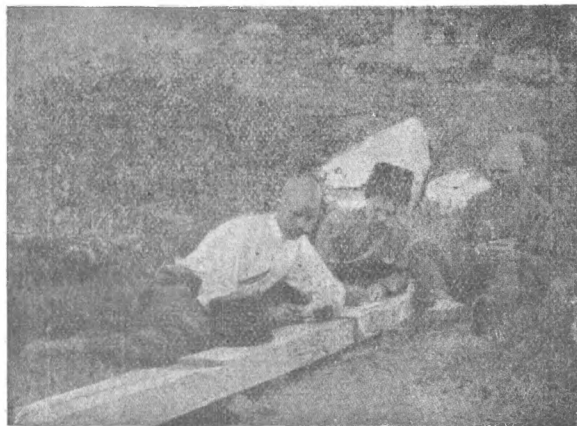
Трехтысячный отрядъ горцевъ, вѣдь бой съ гарнизономъ Липкинского поста въ 35 человекъ болѣе часа...

Имена храбрецовъ, выполнившихъ свой долгъ до конца, дошли до насъ и не лишнимъ считаю перечислить ихъ:

Начальникъ поста сотникъ Горбатко, урядникъ станицы Староминской Иванъ Молька, казаки той же станицы: Сергѣй Цисарскій, Михаилъ Вовкъ, Яковъ Юдицкій, Михаилъ Липецъ, Григорій Тримило, Семень Радченко, Иванъ Пига, Иванъ Иванченко, Федоръ Яковенко, Афанасій Чмило, Романъ Романенко, Филиппъ Дудка, Ерофей Иванецкій; казаки станицы Старощербиновской: Леонтій Тицкій, Савва Колесникъ, Василій Волошинъ, Емельянъ Ильченко, Василій Подгорній, Петръ Прозоря, Федоръ Вивчаръ, Фотій Скворода, Θεодосій Степаненко, Василій Моршукъ; казаки станицы Уманской: Семень Андрющенко, Дмитрій Рясикъ, Козьма Радюненко, Михаилъ Ермоленко, Трофимъ Соповьянъ, Каленикъ Козикъ, Василій Финобокъ, Купріянь Устенко, и казакъ станицы Камышевской Иванъ Турь.

Кромѣ того убита жена постоваго начальника Марьяна Горбатко.

Тогда это событіе, т.-е. гибель гарнизона Липкинского поста взволновало всю Кубань; но время беретъ свое. Прошли годы и многіе забыли объ этомъ событіи, хотя тогда же на памятникъ, путемъ подписки, были собраны деньги и деньги не малыя, но куда ушли они, такъ никому и не извѣстно. Проектъ сооруженія памятника, такъ и остался проектомъ... Герои — пластуны даже не удостоились постоянного погребенія, какового заслуживаетъ всякій воинъ, павшій на полѣ битвы. Тѣла ихъ были похо-

Пластуны въ Турціи, за р. Чорохомъ въ 1915 г.
«Письмо до дому».

ронены въ братской могилѣ, на берегу рѣки, а черезъ два-три года рѣка размыва могила, унесла благородныя кости героевъ и сама погребла въ песокъ своего дна, и это лучшее погребеніе, чѣмъ неосуществленные проекты памятника.

Среди Черноморцевъ сотникъ Горбатко и его сподвижники не были забыты и полъ-вѣка спустя, послѣ его геройской смерти, потомство не забыло его и воздвигло, хотя своеобразный, но все же памятникъ: на Ейской желѣзной дорогѣ между станциями Староминской и Старощербиновской разѣздъ «Сотника Горбатко».

Всякій казакъ, проѣзжавшій по этой вѣткѣ осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ и вспоминаетъ какую цѣною досталась дѣдамъ та земля, на которой жили мы и которую не могли отстоять по призыву дѣдовъ...

Мало жалованныхъ грамотъ — нужна кровь для закрѣпленія того, что жалуется грамотой и дѣды это условіе буквально выполнили.

21 августа 1931 г. Парижъ.

Подъесаулъ Еф. Якименко.

Хоть голова въ крови, да наша правда.

Страдная пора на Кубани

Страдная пора на Кубани начинается фактически съ сѣнокоса, т. е. съ половины мая мѣсяца.

Къ этому времени вся «полка» хлѣбовъ, кукурузы, подсолнечниковъ, бакчъ и т. п. заканчивается и начинают косить траву. Едва закончили сѣнокосъ, какъ уже готовъ къ покосу ячмень, а тамъ на очереди и пшеница и уже послѣднимъ всегда скашивается овесъ.

Въ это время вездѣ по Кубанской степи трещать сноповязалки. Молчаливые труженники — лошади, въ разгаръ знойнаго времени, тащутъ тяжелую косилку, а бабы и беззаботныя дѣвки, въ бѣлыхъ соломенныхъ, съ широкими полями, шляпахъ, перепоясанными по срединѣ розовыми лентами, сносятъ снопы и кладутъ ихъ въ такъ называемые «крестцы», которые послѣ уборки свозятся и складываются въ «одонки» для обмолачиванія паровою молотилкою. Это самое жаркое и суетное время въ жизни казаковъ-Кубанцевъ, т. е. съ половины юня и кончая, приблизительно, половиною октября мѣсяца.

Послѣ покоса хлѣбовъ, изъ станицъ, по обыкновенію, выѣзжаетъ чуть ли не все населеніе въ степь съ домашнею птицею и мелкими пожитками, и живутъ тамъ какъ на курортѣ; птица пасется по скошенному полю, собирая оставшіяся тамъ зерна колосьевъ, а казаки свозятъ весь убранный хлѣбъ и обмолачиваютъ его. Домохозяевами въ станицахъ остаются одни лишь старики.

Къ этому времени, какъ всегда, изъ центральныхъ губерній: Рязанской, Тульской, Орловской, Тамбовской, Курской и др. пріѣзжали къ намъ на Кубань на заработки великороссы. Здоровенные, краснощекіе дяди, стриженные подъ скобку, въ бѣлыхъ своихъ холщевыхъ рубахахъ и такихъ же штанахъ, они издали кажутся стайей бѣлыхъ лебедей. Пріѣздъ свой они обыкновенно приурочивали къ молотбѣ, такъ какъ во время покосовъ какъ травы, такъ и хлѣбовъ, ввиду обилія на Кубани травяныхъ косилокъ и сноповязалоковъ, имъ абсолютно дѣлать нечего. Но за то на молотбѣ безъ нихъ не обойтись.

По пріѣздѣ своемъ въ казачьѣ станицы, они группировались въ небольшія партіи, человекъ приблизительно по 10 — 15 и каждая партія обязательно выбирала себѣ старшаго, который не только договаривался отъ имени своей партіи съ хозяевами о заработной платѣ, но и являлся своего рода и ихъ начальникомъ и судьей. Вся партія его слушала и исполняла безпрекословно всѣ распоряженія и приказанія, имъ отдаваемыя. Сами они такія группы называли «бригадами». Характерныя картинки: по пріѣздѣ ихъ въ станицы нерѣдко можно было видѣть какъ нѣкоторые изъ нихъ, изъ лодырей, конечно, во время сна около какой нибудь «харчевни» или пивной, въ ожиданіи наниматься, на подошвахъ своихъ лаптей обозначали мѣломъ цѣну дневнаго заработка, напр., 1 руб. 35 коп., 1 руб. 50 коп. и т. п. Если хозяинъ-наниматель согласенъ платить эту цѣну, то онъ будитъ ихъ, а если сначала посмѣетъ ихъ разбудить и послѣ съ ними начнетъ торговаться, то они, крѣпко выругавшись, переторачиваются на другой бокъ и продолжаютъ свой сонъ. И вотъ такія «бригады» обыкновенно выбираютъ одну молотилку и все время за нею слѣдуютъ, пока и закончится молотба на Кубани. Какъ рабочіе они были хорошіе. Если ужъ возьмется съ «одонка» «мятать» снопы, такъ едва успѣваетъ «зубарь» подавать ихъ въ барабанъ молотилки. По окончаніи молотбы они какъ перелетныя птицы уѣзжаютъ къ себѣ на родину съ заработанными деньгами, въ то время какъ ихъ жены и дѣти тамъ сами справляются со своими сельскими лѣтними работами.

И такъ изъ года въ годъ эти «рябята» посѣщали насъ въ довоенное время и «рубали», какъ они сами выражались, бѣлый пышный Кубанскій хлѣбъ, арбузы, дыни, яблоки, груши и т. п., которые у нихъ на родинѣ дѣдятъ какъ лакомство.

Кубанскіе же казаки съ мая мѣсяца и кончая октябремъ ни днемъ ни ночью не знаютъ покоя, стараясь какъ можно скорѣе окончить лѣтнія работы и потомъ снова приготовить посѣвъ озимаго хлѣба на слѣдующій годъ. Кстати умѣстно здѣсь упомянуть: мнѣ неоднократно приходилось слышать, напримѣръ, отъ нѣкоторыхъ лицъ изъ центральныхъ русскіихъ городовъ, что послѣ того, какъ въ разговорѣ упомянешь, что я есть кубанскій казакъ, — онъ сейчасъ же дѣлитъ своими воспоминаніями — какъ онъ былъ на Кубани во время гражданской войны, какъ всего тамъ было вдоволь — яицъ, масла, молока, арбузовъ, яблокъ, сливъ, грушъ и послѣ всего перечисленнаго выше, всегда почти слышишь, что какія пріятныя, веселыя и миловидныя Кубанскія казачки, какія онѣ хорошія хозяйки. Какой чудный хлѣбъ пекутъ, вареники, пирожки и при этомъ никогда не применеть случая указать

на то,, что, дескать, а мужья ихъ — казаки, напротивъ — ничего почти не дѣлають, только знаютъ, что играютъ въ карты, да по духанамъ ходять, а несчастныя жены за нихъ работаютъ...

Услышавъ, конечно, такія понятія о трудолюбивыхъ казакахъ-кубанцахъ, старшьяся объяснить своему собесѣднику (иногда даже, къ несчастію, и интеллигентному), что это не совсѣмъ точно и, что казаки вообще всѣхъ російскихъ казачьихъ войскъ, являются самыми трудолюбивыми и способными хозяевами нашего Великаго и Славнаго Отечества.

Какъ только молотьба хлѣба заканчивается — начинаютъ «рубить» подсолнечникъ, котораго нигдѣ въ Россіи столько не сѣялось, какъ у насъ на Кубани.

Подсолнечникъ, это такъ называемая «живая копѣйка», такъ какъ многіе изъ казаковъ имѣли, кромѣ того, большія пасѣки, а меньшія — въ послѣдствіи имѣли едва ли не половина казачьяго населенія. Пчелы, кромѣ другихъ полевыхъ цвѣтовъ, главнымъ образомъ брали медъ изъ цвѣтовъ подсолнечника, а по уборкѣ такового, его сейчасъ же продають и на эти деньги покупается, обыкновенно,

все необходимое для домашняго обихода, временно задерживая, такимъ образомъ, еще въ то время слишкомъ дешевое зерно до тѣхъ поръ, пока на такое поднимется болѣе приличная цѣна.

Подсолнечникъ еще полезенъ и тѣмъ, что, помимо того, что съ него пчелы берутъ медъ и зерно его идетъ на продажу, изъ котораго бьютъ масло, онъ даетъ землѣ «передохнуть», т.-е. своего рода это методъ удобренія послѣ нѣсколькихъ сборовъ хлѣба, такъ какъ на Кубани никогда вообще земля не удобрялась.

И уже послѣ всего этого снимается кукуруза и свозится домой.

Такимъ образомъ лишь послѣ уборки послѣдней, казаки, закончивъ лѣтнія работы, приступаютъ къ пахотѣ и къ посѣву озимаго хлѣба для слѣдующаго года, а также и свозу, еще оставшейся въ степи, половы и соломы.

И такъ изъ года въ годъ трудолюбивое население Кубани жило и работало не только на благо и процвѣтаніе своего Родного Края, но и на благо бывшей Великой Россійской Имперіи.

А. Толбатовскій.

ПОСЛѢДНІЙ ВЗГЛЯДЪ...

Настойчивость отца и, главное, бабушки — взяли верхъ надъ протестами нашей доброй матери и «семейный совѣтъ» рѣшилъ — «учить дѣтей».

120 рублей въ годъ за ученіе и пансіонъ въ городѣ — былъ не легкимъ экономическимъ напряженіемъ для зауряднаго казачьяго хозяйства. На ихъ можно было купить три рабочихъ лошади тогда... И часто, за работою, въ дни тяжкихъ недостатковъ, добрая наша мать справедливо пролила слезы, чувствуя постоянное утомленіе и не видя пока насущныхъ результатовъ этого «ученія».

«Подросли бы всѣ три сына, три пая (24 десятины) земли, поженили бы ихъ, всѣ въ хозяйствѣ за работою, все бы горѣло въ рукахъ да и «смѣна была бы у печки снохами...», такъ разсуждала наша мать, уже пожилая женщина, своимъ безхитростнымъ умомъ рядовой казачки, и такъ не разъ она слушала рѣчи-упреки сосѣдокъ, сидя долгими вечерами на завалинкѣ. Безсмѣнная работа по хозяйству и отсутствіе и, даже, въ связи съ ученіемъ сыновей, удаленіе этой возможности къ такъ желанной «смѣны у печи» — всегда искренне ее волновали. Но отецъ и бабушка стояли на своемъ, «учить», и твердо проводили свой планъ въ исполненіе — «вывести дѣтей въ свѣтъ».

Послѣ вступительнаго экзамена въ техническое училище, оставляя средняго сына въ г. Майкопѣ и уѣзжая назадъ въ станицу, отецъ, прощаясь, лас-

ково сказалъ: «Учись, сынокъ... ты знаешь какъ трудно въ хозяйствѣ достаются деньги... и мы все отдадимъ, чтобы выучить васъ, но, если что не такъ — домой не возвращайся... Черезъ Кавказскій хребетъ и... прыгай прямо въ море...» Таковъ былъ послѣдній наказъ нашего дорогого умнаго отца, и... мы учились.

Въ длиннополой темносѣрой стариковской черкескѣ, но съ широкими длинными парубочскими рукавами, въ каракулевой черной папахѣ, въ мягкихъ козловыхъ, на деревянныхъ шпилькахъ, сапогахъ и при кинжалѣ въ серебряной оправѣ — горделиво шелъ онъ въ церковь на первый день святой Пасхи 1917 года, окруженный тремя сыновьями — офицерами — и тремя послѣдними дѣтьми — дочурками — гимназисточками въ бѣлыхъ перелинахъ... Сыновья какъ-то неожиданно съѣхались вмѣстѣ въ отпускъ съ Кавказскаго фронта и — какъ гордъ былъ нашъ отецъ тогда, въ тотъ день...

Всегда въ развалку важно ходившій — онъ, въ тотъ день, еще пышнѣ расчесалъ свою густую черную, уже посеребренную сѣдиною, бороду съ такими же пышными усами и шелъ... шелъ словно на парадъ, гордясь результатомъ своихъ долготѣнныхъ трудовъ, въ теченіе коихъ онъ — мокъ отъ дождя подъ бороною на загонѣ, заливался потомъ подъ снопами, мерзъ въ лѣсу за хворостомъ, надрылся надъ чувалами на молотьбѣ и пр. и пр. и пр.

и что только не случалось съ нимъ тогда, въ тѣ долгіе годы въ своемъ мелкомъ заурядномъ казачьемъ хозяйствѣ, гдѣ каждый грошъ, гдѣ каждый снопъ и ремешокъ былъ на учетѣ... И все — куда? въ учение... дѣтямъ на учение...

И вотъ, на 48-мъ году своей тяжелой жизни — это былъ его лучший день, это былъ праздникъ его души, его гордость, его слава, праздникъ его семейнаго достиженія, — то была весна его жизни, но, и какъ оказалось — его послѣдняя весна, послѣдняя семейная радостная пѣснь его существованія земного... И года не прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ разстрѣлянъ былъ красными, павшій подъ пулями невѣдомыхъ пришельцевъ, ставъ первой казачьей жертвою своей станицы, на своей родной казачьей кровной землюшкѣ...

Пожаръ большевицкаго наводненія разлился по всей Руси и къ концу февраля 18-го года захлестнулъ и всю Кубань. Всѣ Кубанскія фронтовыя части вернулись уже на родину и въ мартѣ — прибыли послѣднія изъ нихъ — персидскія. Казалось, конецъ пришелъ всему. Части прибыли въ Войско и разошлись по станицамъ. И закатилось казачье солнышко за тусклый безпросвѣтный небосклонъ... въ станицахъ потекла жизнь селянина...

Съ тремя сынами и съ плѣннымъ туркомъ, самъ пятый въ одинъ «упругъ» подчистили на гумнѣ они канавы и акации, снесли весь «хмызъ» на гать, придавили его соломою и «дерномъ» и линейкою, запряженною двумя горячими гнѣдыми кабардинцами изъ-подъ офицерскаго сѣдла, держа упоръ на вожжи и разсѣкая грязь копытомъ чоткимъ «строевыхъ» въ упряжкѣ — также горделиво возвращался нашъ отецъ домой — обѣдать.

«Не страшно жонушка... такіе молодцы ребята... Не будетъ службы — займемся вновь хозяйствомъ. Вѣдь пять работниковъ въ семьѣ — подумай, только...» — таковъ былъ первый сказъ отца женѣ (матери нашей), вернувшись съ гумна.

Но судьба иное всѣмъ сулила...

Поруганное въ своихъ правахъ, привычкахъ и обычаяхъ — Казачество возстало уже въ мартѣ. Семь тысячъ ихъ собралось при отдѣлѣ. Воодушевленію ихъ не было конца. Казалось — зардѣлась вновь Казачья зоренька. И изъ станицъ тянулись и тянулись казаки въ возставшій станъ... Но... промедленіе — подобно смерти: пока казачество группировалось и по семейному готовилось къ сокрушенію ненавистой новой власти — не спалъ и врагъ и, — подготовилъ «встрѣчу»...

Въ просторномъ хозяйственномъ дворѣ казачьемъ — къ мажартъ привязано до десятка подъ сѣдлами коней. Пасмурная ночь. Въ полночь, конница возставшихъ должна выступить въ степь и, обойдя противника — занять въ тылу станицы. Къ назначенному часу, въ черкескѣ, при оружіи, изъ своей спальни вышелъ средній сынъ, подѣсаулъ, въ просторный корридоръ — столовую. При тускломъ свѣтѣ лампы, въ углу, въ бешметѣ на распашку, сидѣлъ задумчиво отецъ, облокотившись локтемъ на спинку стула и подперевъ рукою голову. Мимо проходя и не предчувствуя бѣды, словно разставаясь на день, сынъ бросилъ —

— «До свиданія, папаша...»

— «Прощай, сынскъ...» — послѣдовалъ отвѣтъ. Сынъ остановился и обернулся на отца. Отвѣтъ послѣдняго звучалъ какимъ то замогильнымъ тономъ, предвѣстникомъ недобрымъ...

И это пронеслось какимъ то страшнымъ предрѣшеніемъ. Сынъ остановился и, обернувшись, еще разъ подумалъ: почему —

— «Прощай», — когда только —

— «До завтра»?!

Отецъ сидѣлъ все такъ же, не шевелясь, въ какомъ то мрачномъ состояніи. Въ полутьмѣ — чертъ лица его не видно было. Онъ продолжалъ сидѣть, все такъ же мрачно, не мѣняя позы. Сынъ постоялъ моментъ, еще разъ бросилъ на отца свой взглядъ, толкнулъ ногою дверь, прошелъ къ мажартъ, вскопчилъ въ сѣдло и съ группой казаковъ, нервной рысью застоявшихся коней — прошелъ на улицу сквозь разступившіяся широкія ворота... То, оказалось, были послѣдніе слова отца и на него послѣдній сына взглядъ... съ того момента — онъ больше ужъ его не слышалъ и... не видѣлъ. Ровно «завтра», часовъ въ 12-ть дня — онъ былъ разстрѣлянъ — его отецъ — старикъ...

«Не отступать»!.. «не отступать»!.. — кричали казаки, встрѣченные на зарѣ жестокимъ пулеметнымъ огнемъ красныхъ и, смѣшанной толпой, потерявъ «сердце», стыдъ и дисциплину, въ полномъ безпорядкѣ, бѣжали вспядь... И напрасно стойкіе усовѣщали ихъ... волна людей безудержно катилась, какъ и волна морская, а съ разсвѣтомъ, бѣлые дымки шрапнелей надъ станицей — совсѣмъ рѣшили участь казаковъ...

«Сыны — сыны...» — взывалъ отецъ.

«Только не попались бы живьемъ...»

И отправивъ мать съ дѣтьми въ сады, подѣ горю — въ сѣдлѣ держалъ для старшаго онѣ кобылицу строевую и... самъ остался, попавъ противнику «живьемъ»...

Въ виду станицы, у станичнаго «ставка», у вражескаго бронепоезда — былъ застрѣленъ нашъ отецъ... Красный главковерхъ, за сыновей «ученыхъ», самъ лично, пробилъ ему свинцомъ високъ... и свалился пятидесятилѣтній бородатый казачина на землю — мать Казачью, гдѣ — дѣтяти онѣ пастъ гусей у этого ставка, гонялъ коней на пастбищѣ подросткомъ, а малолѣткомъ — вздымалъ клубами пыли гарцуя на ворономъ конѣ своемъ и рѣзалъ десятки лѣтъ ее родную плугомъ землероба въ послѣдній свой періодъ жизни и гдѣ его родная мать, когда она была дѣвчушкою - подросткомъ — черкесы ее едва ли не плѣнили въ горы, и гдѣ его сѣдобородный дѣдъ Ома и великанъ — казакъ, еще когда здѣсь былъ пустырь дикой, — построилъ хату и, съ другими казаками, — колонизировалъ сей край невѣдомый тогда...

Такова была эта земля казачья, гдѣ пуля звѣрскаго пришельца остановила жизнь сѣдого казака...

Брать...

Армія оставила и Сочи. Кусокъ родной земли въ 12-ть верстъ былъ нашей территоріей послѣдней. На немъ скопилось много тысячъ Войскъ Кубанскихъ. Ни хлѣба, ни патроновъ не было... Вѣтви деревьевъ съ побѣгами весенними, — былъ кормъ для лошадей казачьихъ.

Подорванъ духъ бойцовъ. Что дальше дѣлать? — пожалуй, и никто не зналъ порядкомъ. Проѣздомъ въ Адлеръ, въ штабъ Войска, — встрѣтилъ обозъ Корниловскаго коннаго полка. Соратники казачьяго разсвѣта освобожденія своей земли родной — подступили къ стремени и забросали:

— «Куда и какъ?»

— «Что дальше дѣлать?»..

— «Веди!.. — мы всѣ пойдемъ съ тобою!»..

И молча вперивъ орлиный взглядъ испытанныхъ Бабіевцевъ-героевъ — ждали отвѣта: —

И для познанія мятушейся души друзей — поведъ глазами всѣхъ ихъ съ лошади... Средь многихъ взглядовъ, горящихъ взглядовъ, — мелькомъ, мелькомъ лишь встрѣтилъ взглядъ, одинъ лишь взглядъ.. и, лишь мелькомъ... онѣ говорилъ: «Спаси, спаси.. въ тебѣ одномъ надежда и спасеніе мое... Спаси!»... И, въ мужественной скромности, скрывая тяжесть боли невѣдѣнія завтрашняго дня — онѣ тутъ же долу опустилъ свои красивые глаза... И я ухалъ къ Атаману Войска метать «Сполохъ». Тотъ взглядъ незабываемый — былъ взглядъ послѣдній меньшого брата моего Георга... Съ тѣхъ поръ его я ужъ не видалъ...

Въ Крыму, въ дивизіи неустрашимаго Бабія, въ своемъ родномъ Корниловскомъ полку, послѣ прорыва въ Таврію, подѣ напоромъ красныхъ полчищъ — полкъ отходилъ. Въ пѣшемъ строю, при перебѣжкахъ на отведенную позицію въ тылу — когда другія сотни отошли и 1-й взводъ его — онѣ, слѣдуя примѣромъ братьямъ-казакамъ, втроемъ съ урядникомъ и казакomъ послѣднимъ оставался въ той цѣпи, гдѣ полкъ лежалъ... И когда урядникъ настоялъ ему уйти хоть раньше ихъ, послѣднихъ двухъ — онѣ приподнялся и... упалъ опять. Свинецъ пробилъ ему гортань... онѣ захрипѣлъ...

Три дня въ жару іюнскаго степного юга тянулись казаки. Въ подводѣ, при безводіи и потерявъ языкъ — онѣ угасалъ... И въ третій день земля чужая, при чуждыхъ людяхъ и въ полномъ одиночествѣ — сомкнула сводъ свой вѣчный въ Тавріи надъ нимъ...

Таковъ конецъ въ 24 года красавца - Есаула со строгимъ профилемъ и ростомъ великана-казака...

Сестра... сестренка лишь всего...

Ей было только вѣдъ 17 лѣтъ. На Черноморскомъ побережьи, съ Кубанскими войсками и она была. Всегда въ сѣдлѣ, въ папахѣ и бешметѣ, и съ бритой головою послѣ тифа — дитя казалось мальчонкомъ. Потомъ капитуляція. Она вернулась въ станицу. Ея два брата были ужъ въ Ростовѣ, за проволокой. Ихъ гнали въ даль Россійскую, на сѣверъ. Прорвавъ запреты, она прибыла проводить ихъ. Всѣхъ было 80 передъ посадкой. То все — строевая старшина Кубанская. Какъ оказалось — она была единственной, единственной казачкою съ родной Кубани, словно гонецъ съ родныхъ полей пришелъ ихъ проводить здѣсь всѣхъ...

— «Пойди, дитя, купи — тому провизіи, тому кусочекъ мыла, иному табаку, иль — опустить письмо...»

Въ станичныхъ женскихъ мягкихъ башмачкахъ, въ коротенькой юбчкѣ и въ бѣленькой косынкѣ съ кружевами, съ услужливой улыбкою сквозъ слезыньки на ласковыхъ глазахъ въ предверіи мучитель

ной разлуки съ братьями — она спѣшила угодить намъ всѣмъ — чтобы хоть какъ нибудь, чтобы хоть чѣмъ нибудь исполнить; облегчить желанія насъ всѣхъ, увы — уже несчастныхъ узниковъ на родинѣ «своей»...

«Пробѣжи скорѣй, Надюша, и еще разоко къ знакомымъ и попроси намъ на дорогу книгъ», — сказалъ ей/средній братъ. Вставъ молча и послушно, и ласково взглянувъ въ глаза ему — она пошла... Онъ нѣжно провожалъ ее глазами вслѣдъ, разсматривая ее походку торопливую. И, какъ бы свидѣтельствуя — «подождите... я скоро вотъ вернусь» — она, передъ угломъ, къ намъ оглянувшись, еще разъ нѣжно улыбнувшись, и скрылась за заборомъ... И... кто-бъ повѣрилъ, что... что то былъ ее послѣдній взглядъ...

Прошли минуты... всего двѣ-три минуты... Насъ неожиданно захлопнули въ вагонахъ для скота и... поѣздъ тронулся на сѣверъ...

Ее, свою сестренушку, Надюшу, я больше ужъ не видѣлъ на этомъ свѣтѣ... Ровно черезъ годъ, она пустилась въ себя пулю и умерла тогда, когда мы были въ заточеніи, въ Сибири...

Ея «взялъ замужъ» комиссаръ - пришелецъ... Какъ завоеватель гнусный и жестокий (начальникъ отдѣлскаго «чека») предварительно «пустивъ въ расходъ» цѣлыя сотни стариковъ и среди нихъ — ея крестнаго отца, напомнивъ ей — и отступление на побережье Черноморское съ Кубанскими войсками, и «буржуазное происхожденіе», и сочувствіе зеленымъ — фостиковцамъ, и проводы въ Ростовъ бывшихъ офицеровъ и, все, все, все, что было такъ естественно для всякаго казачьяго семейства... И она, схвативъ его же револьверъ — въ животъ его весь разрядила и на рукахъ измученной старушки-матери, пять дней спустя — погасла... какъ еще не распустившійся степной цвѣточекъ...

И это — въ свои всего 17-ть лѣтъ... Такъ рано, такъ жутко умерла... — зачѣмъ тогда ужъ было и родиться?!

Бабушка...

Ей было сверхъ 70-ти лѣтъ. Въ первый же годъ прихода со службы мужа, — дѣда нашего — она осталась вдовою. Дѣдъ былъ убитъ въ степи разбойниками. Потомъ — пожаръ станицы и... все до тла сгорѣло въ ненасытномъ пламени, включительно до птицы. Съ подросткомъ - сыномъ, отцомъ нашимъ — она построила хибарку на гумнѣ и такъ жили — страждали, наживали вновь несчастное казачье добро. Въ томъ мѣстѣ родились и мы всѣ, дѣти. Натерпѣвшись горя и нужды — она вотъ и была тѣмъ главнымъ двигателемъ въ семьѣ — «учить дѣтей».

Маленькая, смуглая, худенькая, всегда въ дѣловомъ движеніи, съ сухимъ пріятнымъ тонкимъ профилемъ, всегда строгая къ себѣ, ко всѣмъ, и

замкнутая отъ другихъ ради семейства, прошедшая суровыя лѣта, когда еще черкесы нападали на казачія станицы, волевая и умудренная житейскимъ опытомъ — она была основою патриархальности семьи, ея расцвѣта.

Весною 18-го года, когда убить былъ сынъ ея — она, на второй день, наперекоръ террору красныхъ, сама, своими рученьками разрывала насыпи среди убитыхъ и наспѣхъ зарытыхъ возставшихъ казаковъ — нашла его родного, доставила домой, обмыла тѣло отъ крови и предала землѣ родное тѣло торжественно, по христіански.

Въ тѣ дни, когда въ Екатеринодарѣ Войсковыя части Кубанской арміи безславно были упрятаны за проволоку — съ котомкою въ рукахъ, съ костыликомъ, еще сильнѣе согнувшись долу отъ сплошныхъ ударовъ по семьѣ и по казачьему несчастью — и туда пришла она провѣдать, своими глазюшками увидеть плѣненныхъ казаковъ и... внуковъ... О-о-о... и какая встрѣча! Схвативъ заруку — залилась слезами: «Въ какомъ вы видѣ, дѣтки...?» — причитала. Потомъ... потомъ, когда всѣхъ главныхъ 80 провели къ вокзалу, подъ конвоемъ на голгоу, чтобы убрать куда то всѣхъ на сѣверъ, въ Россію — она, сгорая добротою христіанскою — откуда то достала всѣмъ ведро казачьяго борща, чтобы облегчить и накормить несчастныхъ, а потомъ, когда вагоны двинулись — она бѣжала рядышкомъ, сгорбившись еще сильнѣе и на бодрящія слова всѣхъ ссыльныхъ — бѣжала, плакала, и сквозь слезы мягко улыбаясь, все твердила — «... дѣтки-дѣтки-дѣтки...»

За семафоромъ паровозъ свернулъ налѣво и въ закругленіи вагоновъ еще разъ мелькнула передъ нами маленькая тѣнь старушки — въ послѣдній разъ...

Съ тѣхъ поръ ее я ужъ не видѣлъ.

Въ голодный годъ, когда Кубань замученно стогнала подъ продналогомъ — старушка, блудя все ту жъ заботу о семействѣ, она, съ разоренной и ограбованной Кубани, бывшей когда то житницы страны Великой — поѣхала за хлѣбомъ вдаль и, тамъ... тамъ гдѣ то, на чужбинѣ, на чужой сторонущкѣ, среди чужихъ людей, подрѣзанная косяю безжалостнаго тифа, въ чумномъ баракѣ, среди сотенъ ей подобныхъ — отдала Богу душу... и какъ ненужный хламъ — свалена была въ могилу-яму общую...

А какъ она всегда мечтала закрыть свои глазюшки ереди своихъ родныхъ и хоть похороненной быть рядышкомъ съ мужемъ...

Судьба?!

Еще сестренка...

Она была совсѣмъ мала, когда казачьи части покинули Кубань родную. 1-й Лабинскій полкъ, съ оркестромъ полковымъ и конскими бѣлыми хвостами на значкахъ шелъ по станицѣ, будируя игрою трубочей и мощью боевой своею сердца Кавказ-

цевъ — уставшихъ, распыленныхъ... она тогда, маперио дитяти — махала ручкою вслѣдъ уходившему полку... «До - завтра», — такъ думалось тогда всѣмъ намъ, и скрылся полкъ въ изгибы улицы. Но — рокъ войны сулилъ иное...

Полкъ, послѣ боевъ, подъ давленіемъ враждебной силы — отступилъ инымъ путемъ мимо станицы и... все закрылось. И то, какъ оказалось, былъ послѣдній ея взглядъ и взмахъ ручонками дитяти — было послѣднее ея — «прощай».

Ужъ много лѣтъ спустя, когда семья была разпылена буквально и осталось всего лишь три изъ десяти — одни побиты, другіе умерли, третьи ушли изъ дому въ дальній неприглядный путь и въ домѣ остались одна лишь мать-старушка и то дитя, те-

перь уже подростокъ — томясь въ отчаяніи одиночества, съ пятью подругами, поѣхала она на лодкѣ черезъ Кубань-родимую, за ландышами по веснѣ... Рѣка бурливая тогда, весною, — она, безсильною ладью схватила и понесла... Напуганная, съ дѣтскою растерянностью, они схватились вмѣстѣ за ручки и, чтобы спастись — пригнули всѣ въ волны и... пошли ко дну всѣ пять...

Четырехъ нашли тогда же. За 70 лишь верстъ внизъ по теченію, спустя недѣли двѣ — нашли послѣдній трупикъ — изъѣденный и растрепавшійся въ водѣ — моей сестренки меньшей и... послѣдней...

Бидолага.

Наша слава, наша гордость...

«Сюда наѣзники Джемата...» — былъ кличъ Шруко въ Парижѣ въ 1925-омъ году, чтобы встряхнуть казачьей джигитовкой центръ міровой столицы... И, — они слетѣлись всѣ, кто только могъ, и всѣхъ Казачьихъ Войскъ и, — дѣйствительно — встряхнули...

О джигитныхъ - казакахъ заговорили. Но, не всѣ вѣдъ вѣчно подъ луною. Прошли годы, все распылилось, ушло и, — стихло. Остатки изъ Кубанцевъ славныхъ, превозмогъ препоны разныя — сейчасъ работаютъ на Западѣ Европы — Войсковой Старшина Крикливый и Хорунжий Сопильнякъ.

Пластунъ по роду службы, штабъ-офицеръ способный, гордый и съ дерзаніемъ — Крикливый сѣлъ въ сѣдло сознательно тогда въ Парижѣ и, исколесивъ Европу всю — достойнымъ сталъ онъ конникомъ теперь — красой Кубани.

Его помощникъ — рядовой и молодой казакъ Кривчунъ — спокойный, добрый и послушный своему руководителю, съ большой душою казака, джигитъ, танцоръ — его, Крикливаго, усиливаетъ онъ и украшаетъ, давая мощь и твердость группѣ.

Конь подо мной, — полкъ за мной.

Слѣва Войсковой Старшина Крикливый,
справа Хорунжій Сопиллякъ.

КАЗАКИ НА МОГИЛѢ НЕИЗВѢСТНАГО СОЛДАТА ВЪ ПАРИЖѢ

Укрѣпляется и ширится рыцарскій жестъ за казаками, что они, одинъ разъ въ году, въ свой специальный, зафиксированный въ «Комитетѣ Пламени» день — возжигаютъ лампаду на могилѣ Французскаго Неизвѣстнаго Солдата въ Парижѣ, похороненнаго подъ Триумфальной Аркой и возлагаютъ на его могилу вѣнокъ.

Разъ въ году, открыто, въ центрѣ міровой столицы, казаки, въ военныхъ мундирахъ своихъ Войсковыхъ формъ — свободно и наглядно могутъ вывить себя міру о своемъ физическомъ существованіи, давая этимъ «выходомъ» всѣмъ о себѣ знать. И эта, данная имъ возможность «выявленія», надо полагать, позволена продуманно. Казали, и въ прошломъ году, 6-го сентября, и въ этомъ году 2-го августа — горячо откликнулись на призывъ Атамана Богаевского и ревниво оберегаютъ «свой день заженія», какъ день своего Казачьяго праздника, готовясь къ нему заранѣе, какъ бы ко дню свѣтлой весенней Святой Пасхи.

Правленіе.

Хорунжій Сопиллякъ, въ 1914 году, тогда еще онъ малолѣткомъ, въ лагеряхъ подѣ Екатеринодаромъ, какъ получилъ свой первый призъ за джигитовку — съ тѣхъ поръ съ сѣдла онъ не слѣзаетъ. Его стихія — конь и торочекъ, а «на вертушкѣ» — кривая шашечка въ зубахъ. Хотѣ на соломѣ спать, но — джигитовать, джигитовать и... джигитовать, — его девизъ.

Такъ вѣрные сыны родной Кубани, живымъ нагляднымъ дѣломъ поютъ Ей пѣснь и стягъ Ея неся ревниво, — работаютъ во славу Войска — Кубанскаго Казачьяго.

Слава нашимъ козаченькамъ!

Слава!..

поется въ пѣснѣ такъ, и мы ей вторимъ —

«Слава...!»

Елисѣевъ.

«Казачій вѣнокъ» 2-го августа. Его несли — отъ Дон. Войска — В. Старшина Алексѣевъ (справа, въ фуражкѣ) и отъ Кубанскаго — Полковникъ Елисѣевъ (слѣва, въ черкескѣ). Лѣвѣ послѣдняго — знаменщикъ Лейбъ-Казачьяго полка подхорунжій Бодрухинъ и старшій урядникъ Кубанецъ — инженеръ Машенко (въ бѣлой папахѣ). Позади Алексѣева, въ черкескѣ — Кубанскій артиллеристъ — Полковникъ Сейделеръ. Изъ старшихъ Кубанскихъ офицеровъ, въ военной формѣ, былъ Генераль Лебедевъ.

КЪ КУБАНСКОМУ КАЗАЧЕСТВУ

Общество Ревнителѣй Кубани, имѣющее свой центръ въ Парижѣ, задалось цѣлью — въ своемъ журналѣ

«КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО»

историко - литературнымъ матеріаломъ, историческими и характерными снимкамъ, гравюрами, рисунками — воскрешать въ памяти родныхъ казаковъ бывшее нашей Кубани-Матери, освѣщая и воспѣвая Ея родную нашу Кубань-Отчизну, наше дорогое намъ, растерзанное, обезкровленное и распятое на крестѣ Кубанское Казачество, наше славное и незамѣнимое ничѣмъ Кубанское Казачье Войско, — распятое, но еще живое и въ мукахъ нечеловѣческихъ страданій — горящаго «Жить».

Ко всѣмъ Кубанскимъ Казакамъ — отъ высокихъ до рядовыхъ ранговъ, отъ ученыхъ до землеробовъ, отъ богатыхъ до «сіромы», отъ Вольныхъ до Имперскихъ Казаковъ — нашъ призывной голосъ — кто живетъ мыслью о Родинѣ, кто не ушелъ въ житейское море обывательщины и безразличія, кому дорогъ путь «Туда», къ роднымъ Казачьимъ берегамъ — принять живое участіе въ нашемъ стремленіи.

Присылайте намъ характерные бытовые и историческіе Войсковые снимки, гравюры, портреты, картины, рисунки...

Пишите статьи, замѣтки, воспоминанія, описанія, боевые эпизоды Кубанскихъ Казаковъ...

Пишите на чемъ попало и какъ попало. За бѣдностью — пишите кровью и на сахарной бумагѣ, лишь былъ бы въ писанномъ смыслъ, душа, Казачій взлетъ, пѣснь и тоска, плачь и жартъ, лишь бился бъ пульсъ жизни и болѣзни по нашему милому и загубленному Казачеству Кубанскому...

Пишите...

Все будетъ принято, просмотрѣно, использовано и возвращено съ благодарностью.

Въ добрый часъ — Родные Кубанцы — отзовитесь!

Редакціонная Коллегія и Правленіе

Общества Ревнителѣй Кубани:

Полковникъ И. В. Бѣлый

Подъесаулъ А. Н. Толбатовскій

Подъесаулъ Е. М. Якименко

Предсѣдатель Полковникъ Ѳ. И. Елисѣевъ

Во Франціи можно выписывать черезъ Общество Ревнителѣй Кубани

1. «Кубанскій Календарь» — настольная книга, необходимая
каждому Кубанскому Казаку 10 фр.
 2. «Исторія Кубанскаго Войскового гимна» 5 фр.
 3. «Россія» № 7 — посвященная Кубанскому Казачьему
Войску 5 фр.
 4. Альманахъ Русской эмиграціи за 1920-1930 г. съ Кубан-
скимъ матеріаломъ 7 фр. 50 с.
-

Слѣдующій номеръ журнала - «Кубанское Казачество» вый-
детъ послѣ распространенія настоящаго. Предположено къ празд-
нику Рождества Христова. Нажми козаче и... распространи.

Imprimerie BASILE

1, villa Chauvelot, Paris -15^e

Téléphone Vaugirard 04-08

Изящное и быстрое выполненіе всевозможныхъ
типографскихъ работъ на всѣхъ
Европейскихъ языкахъ по весьма доступнымъ цѣнамъ